

Андрей Иванов

*История болезни
с диагнозом
«Жизнь»*

Роман-медитация

Андрей Иванов
История болезни с диагнозом
«Жизнь». Роман-медитация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400350

ISBN 9785447471293

Аннотация

Это не исповедь, не покаяние. Не выставление личных переживаний на показуху. Не душевный стриптиз и не бахвальство. Это сохранившиеся в уме и сердце жирные куски судьбы живого человека. Которому совершенно нечего и некого бояться. Кроме последнего страха приврать или приукрасить реальность. Эти куски когда-то радовали. Или болели, но уже отболели. Некоторые до сих пор болят. Вот и писал этот роман, как моё лекарство от оставшейся боли и прошедшего счастья.

Содержание

Книга первая. История болезни	6
Глава 1. Раннее детство	7
Глава 2. Диафильмы и борщ	10
Глава 3. Непонятные люди. (Мужская баня)	16
Глава 4. Непонятные люди. (Женская баня)	19
Глава 5. Пистолет, пальто и червяки	21
Глава 6. Там, где живёт Бог	31
Глава 7. Богом целованные	38
Глава 8. Волшебник Изумрудного Города	45
Глава 9. Начало мышления	51
Глава 10. Велосипед детства	55
Глава 11. Женская доля	75
Глава 12. Рай находится здесь	92
Глава 13. Пауза на два года	99
Глава 14. Хорошо везде, где мы есть	108
Глава 15. Как снег на голову	116
Глава 16. Спецслужба безопасности и внутренних расследований	119
Глава 17. Солдаты-сладкоежки	127
Глава 18. Где же ты, моя Маргарита с мерзкими жёлтыми цветами...	132
Глава 19. Что такое на самом деле моя жизнь?	137
Конец ознакомительного фрагмента.	142

История болезни с диагнозом «Жизнь» Роман-медитация

Андрей Иванов

© Андрей Иванов, 2017

ISBN 978-5-4474-7129-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор романа Андрей Иванов – АВИ

Книга первая. История болезни

БОГ есть ЛЮБОВЬ. И нет иных БОГОВ.

Предисловие автора

Это не исповедь, не покаяние. Не выкладывание личных переживаний на показуху. Не душевный стриптиз, не бахвальство.

Это, сохранившиеся в памяти и в сердце, жирные куски судьбы живого человека. Которому совершенно некого и нечего бояться. Кроме одного страха приукрасить или соvrать. Эти куски когда-то радовали. Или болели, и уже отболели. А некоторые ещё болят. Вот и пишу это, как моё лекарство от оставшейся боли или прошедшего моего счастья.

Короче, ближе к делу...

А на деле было вот так...

Глава 1. Раннее детство

Первое, что вспоминается.

1965 год. Маленький прибрежный городок Чехов на западном побережье острова Сахалин. Лежит в долине, зажатый с трёх сторон сопками. Четвёртой стороной выходящий на Татарский пролив... Дальний Восток СССР.

Дядя Олег, парнишка, лет тринадцати, подхватывает Андрюшу, двухлетнего мальчика, на руки, и бегом тащит на лестничную площадку подъезда.

За ними несётся мужской, пьяный, плохо разборчивый, но громкий крик Виталия Васильевича. Это голос отца Андрюши...

Олег спасает ребёнка от пьяного отца. Быстро вбегает на второй этаж подъезда. Здесь лестница на чердак. Железная, отвесная, крутая. Сверху чердак можно закрыть крышкой. Тому, кто гонится, туда не залезть.

Пьяные отцы иногда любят повоспитывать своих детей. Но Андрюша этого не понимает. Ему просто страшно. С чердака, вместе с Олежкой он смотрит вниз на папу.

Дальше провал. Больше отца не видел. После этого стал заикаться и впервые узнал, что такое страх.

Андрюша любил играть один. Или быть с бабушкой. Семья большая, две тётки, два дяди, бабушка и внук Андрей.

Мама, это такая тётя, которая уехала после смерти папы в большой город Новосибирск учиться.

Мама-это добрая тётя, которая присылает в посылках вкусности всей большой семье и игрушки Андрюше.

Андрюша часто лежит на полу, молчит и играет этими игрушками. Он превращается в машинку, машинка рычит и едет. Поворачивает, делает задний ход, и снова едет вперёд и рычит мотором.

Бабушка повторяет мальчику. – Ну, как ты будешь жить? Весь день лежишь и библикаешь. Иди во двор, поиграй с ребятами.

Его одевают, и он идёт во двор. Тут шумно и весело. Но Андрюша не играет с ребятами. Пару раз брали Андрюшу поиграть в футбол. Даже доверили постоять на воротах. Он очень волновался и боялся пропустить гол. Но пропустил, целых два раза. Ребята сказали – Толку с тебя нет. Не умеешь играть, как неживой.

Мальчик чувствует себя виноватым, неправильным. Он признаёт, ребята правы. Неумеха, слабак, и даже, наверное, какой-то урод.

Больше играть не зовут. Андрюша и сам не просится. Застыкает, близоруко щурится, у него нет ни папы, ни мамы. Он бабушкин козлик. Тетя Лариса иногда называет его «дебил». Что такое «дебил», он не знает. Но понимает, что это

что-то глупое, плохое и тупое.

Глава 2. Диафильмы и борщ

Соседи по дому были учительница по математике и две её дочери Ира и Марина. Обе скромные, воспитанные, но с Андрюшей подружились. Особенно Иришка.

Однажды произошло сказочное событие. Девочкам мама подарила диапроектор и несколько диафильмов со сказками. Андрюше об этом сегодня во дворе уже всем рассказала Иришка. И просмотр должен был начаться в квартире соседей после обеда.

Дух захватывало от предвкушения этого волшебства. Андрюша прибежал домой и рассказал тёте Ларисе (тоже учительнице), что его пригласили в гости на диафильм. И тут возникло страшное препятствие. Борщ!!!

Здесь необходимо пояснить, что с кормлением Андрея с детства были большие сложности. Проблема называлась – «Губа не дура». Так говорила бабушка, когда Андрей совсем плохо и мало ел обычную пищу. Чаще он отказывался есть и его заставляли из-под палки. Был худенький. Иногда мог немного поесть кукурузных палочек, присланных из Новосибирска мамой. Корочку горячего хлеба со сладким творожком, конфеты, шоколадку или орешки, кусочек сыра или колбаски. От остального обычно воротил нос.

На утреннике в детском саду. Фото автора.

Кормили его с ремнём. Какая-то из родных тёток возле тарелки с едой клала на стол ремень. И настойчиво предлагала кушать без порки. Мальчик мог сидеть молча целый час или больше, вяло и с неприязнью смотрел на еду, которая остывала. Если это был борщ, то по его поверхности начинали плавать льдины из кружков жира, обжарки сала и всякой такой гадости. В итоге, в Андрея силой впихивали половину тарелки, потом, отругав, отпускали на свободу.

Тетя Лариса сказала, – Хорошо, пойдёшь к девочкам, если хорошо пообедаешь. Иначе никаких тебе диафильмов. Пустую тарелку покажешь, и только тогда смотри свою сказку.

Бабули дома нет и вступить за ребёнка было некому. Лариса налила в тарелку ненавистный борщ. Усадила Андрея на место пытки за кухонный стол. А сама отправилась в комнату готовиться к урокам.

Время шло. Борщ встал непреодолимой стеной перед волшебством. Нужно что-то делать. Ремня не хотелось. Борща не хотелось ещё больше. И пропустить диафильм тоже было выше человеческих сил.

Голова внезапно лихорадочно заработала. **ВЫЛИТЬ!!!**

Куда? В помойное ведро? В ведро с углём? Заметят. Куда?!!! Андрей осмотрел кухню. Можно было в печку.

Но опасно. Лариса услышит звон кругов с печки, тогда ремень, поставят в угол и празднику конец.

Возле стола стоял древний кухонный комод с посудой, бокалами в серванте и всякой хозяйственной утварью.

Если незаметно вылить между стеной и комодом, то враги могут и не заметить.

На цыпочках, осторожно и тихонько мальчик встал на табуретку и через край опорожнил всю тарелку борща за стену комода. ПОБЕДА!!! Сердце колотится. В голове шум. Теперь нужно идти показывать тарелку и врать. Но диафильм с подружками-это просто счастье.

– Тетя Лариса, я доел. – как-то сдавленно, и немного не своим голосом прокричал Андрюша с кухни.

– Не может быть... Неси тарелку сюда...

Было очень – очень страшно. Пора на казнь.

Лариса сидела на диване в зале, вся обложенная тетрадками своих учеников. – Показывай.

Тётя внимательно осмотрела посуду. – Куда дел борщ, ИВанов сын? – строгий учительский голос заставил Андрея покраснеть.

– Скушал, – прошептал мальчик.

– Ты его вылил, у тебя на лбу написано.

Читать мальчик ещё не умел. Но буквы в книгах видел. Сразу представилась картина. На лбу огромными чёрными буквами написан смертный приговор – «ОН ВЫЛИЛ БОРЩ

ЗА КОМОД!!!»...

– Смотри мне в глаза. – Лариса ждала смерти мальчика.

Андрей медленно проваливался сквозь пол... Спасти его могла только ласковая рука бабули. Но бабули не было.

– Иди за мной, – Тётя, не выпуская из рук тарелку, пошла на кухню. Заглянула в помойное ведро. Потом внимательно оглядела ведро с углём.

– В печку что ли вылил? – палач продолжал пытку.

– Нет. Я его съел, – вторично соврал мальчик.

– Ты не мог его съесть. Я вижу, что ты его вылил через край. Признавайся куда...

Андрюша молчал. Он не сообразил, что по краю тарелки видно, что борщ был вылит. А, если догадается заглянуть за комод, то я умру.

– Ладно. Иди. Долго у соседей не сиди. После сказки сразу домой. Но, куда же ты его дел? – Тётя задумалась, но не смогла сдержать улыбки.

Ужас того, что преступление рано или поздно, но всё равно вскроется, преследовал мальчика всё детство. Особенно жутко было перед сном. Андрей рисовал картины, как семья начинает ремонт на кухне. Отодвигает комод. А там!!! ОКЕАН БОРЩЕЙ!!! Потому, что теперь раз за разом тарелки выливались именно туда. Всегда, когда никого из родных не было на кухне, это повторялось.

Но сейчас, счастливый и окрылённый Андрюша вприпрыжку бежал к соседям. Там собрались уже ребяташки не только из нашего дома. А многие, даже с нашего двора.

Готовился волшебный кинозал, на стену натягивали белую простыню. Сейчас потушат свет, и волшебник покажет чудо. Чудесный светящийся аппарат наготове стоял на тумбочке.

Все затихли. Прекратились даже счастливые смешки.

Андрей от радости на время совсем забыл о своём преступлении... Но преступления только начинались...

Глава 3. Непонятные люди. (Мужская баня)

В нашем старом доме не было ни туалета, ни ванны, ни душа. В туалет ходили на улицу. Раз в неделю кто-то из родных брал Андрюшу в баню. Баня была или мужская, или женская. Если свободна была кто-то из тёток, то она брала мальчика с собой в женскую. Если шёл в баню дядя Олег, то Андрюша шёл в мужскую. Так было лет до четырёх.

Однажды Олежка с Андрюшей пошли в баню, по дороге встретился друг дяди Игорь. Дядя Олег называл его непонятным словом «корефан». Андрею казалось, что это слово означает что-то очень надёжное и взрослое. Почти, как брат...

Олег и Игорь стояли, курили и разговаривали. Мальчик глазел по сторонам и ждал. Глазеть было особо не на что, и Андрюша стал слушать взрослый разговор.

Дяде Олегу тогда было уже целых 18 лет. А Андрею всего 4. Он был самым младшим в большой семье.

У друзей был примерно такой странный и непонятный Андрюше разговор.

– Слушай, у Ольги такая шикарная ж..па. – Олег причмокнул языком, и красиво сплюнул через зубы.

– Да ты ещё Марию в купальнике не видел. У неё и ж. па,

и сиськи ещё больше... – возразил Игорь. И красиво сморкнул одной ноздрей.

– Да, я не спорю. Но у Ольги ж. па смачней... И сиськи само то, не как у коровы, а прямо, как надо. Не большие и не маленькие... Само то! Я её на картину нарисовал со школьной фотографии, только типа голую. В красках. Три дня рисовал. Вечером покажу. – пообещал дядя Олег с гордостью. И подмигнул.

– Хорошо, найду. Вы щас в баню?

– Ага. Ну, давай, до вечера. Потом пива попьём. Я тебе стих об Ольге расскажу. Усышься!!! Ну, пока.

Продолжили путь дальше. Андрюша не понял взрослого разговора. Что такого интересного может быть в Олиной или Машинной попе? Ведь у всех людей попа одинаковая. И у мужчин, и у женщин. Что же в ней такого необычного и привлекательного?!!! Ну да, у одних она больше, у других меньше. И что? Это же не торт, который чем больше, тем лучше. Очень странно это, и непонятно.

В бане стоял паровой туман. Народу много, суббота. Громко разговаривали. Шум воды, грохот тазиков, шелест душа.

– Так. Мойся хорошенько. Между пальцев лучше мыль, и сильнее три мочалкой. Давай спину потру. – строго давал наставления дядя Олег. – Голову намыливай, и уши не забывай...

Андрей послушно выполнял указания любимого дяди. Он намылил голову, глаза, уши. Стало почти тихо, только слышен звук лопающихся пузырьков от мыльной пены в ушах, и где-то тихий рокот банного процесса.

Когда Андрей смыл в тазике всю пену и открыл глаза, дяди рядом не было. Куча взрослых мужиков, и он маленький, и все вокруг чужие, незнакомые. Мальчик стоит и не знает, что делать дальше. Стоять просто так было очень глупо, и он присел на каменную лавку рядом с тазиком.

Время течёт. Течёт очень-очень медленно, когда ничего неизвестно и всё непонятно. За эти минуты голова выдавала разные предположения. Что Олег ушёл и бросил Андрюшу. Что Андрюша сам потерялся. Что теперь он будет сидеть в бане до закрытия. И ему никогда не отдадут одежду. И прочие безумные идеи.

Олег был в парилке. Вернулся багрово-красным, расслабленным, и сразу опрокинул на себя тазик холодной воды. Несколько ледяных струй попали на тело мальчика. Он поёжился, было очень неприятно, но Андрей был рад, что нашёлся...

Глава 4. Непонятные люди. (Женская баня)

Опять наступила суббота. На этот раз в баню собиралась тетя Лариса.

– Возьми с собой Андрюшу, на обратной дороге купите хлеба и гречки. Если будет мороженное в ларьке, возьми полкило. – сказала бабуля, которая варила на печке обед.

Лариса молча и быстро собрала мыльно-пузырные принадлежности, мочалки, полотенца. Одеда Андрея и отправила его на улицу, ждать, пока выйдет сама.

– Куда собрался? – спросил во дворе хулиган Петька. Он был сильнее, умней и старше на целых 4 года. Ему было уже восемь. Он умел даже громко свистеть и материться...

– В баню. С тётёй Ларисой. Олега ещё дома нет.

– В женскую? О!!! Слушай, ты сейчас скажи своей тётке, когда выйдет, чтобы взяла с собой фотоаппарат, у вас же есть. И пусть там пофотает голых девок. – порекомендовал парень.

– Да. У нас есть фотоаппарат. Олег купил. «Смена» называется. Новый. Я спрошу Ларису, когда выйдет. – согласился Андрей.

Нужно было видеть лицо учительницы химии, когда племянник на полном серьёзе попросил её взять с собой в баню

фотоаппарат. Сначала она застыла на секунду. Потом расхохоталась. Потом серьёзно так спросила, – Ты это сам придумал?

– Нет, Петька подсказал.

– Понятно. Ладно, пошли скорей. Пока мороженное не разобрали. – не переставая улыбаться и хихикать поторопила Лариса. Фотоаппарат с собой брать она почему-то не стала.

Непонятные взрослые люди. То смеются ни с того, ни с сего, то становятся вдруг серьёзными и переводят разговор на другую тему. А потом снова хихикают сами с собой. Станные они...

Завтра воскресенье. А это значит, бабуля утром даст 10 копеек, и после завтрака разрешит сходить на мультсборник на 11 часов в кинотеатр. Так было всегда и будет вечно.

Глава 5. Пистолет, пальто и червяки

У Андрюшки с Иришкой была настоящая дружба. Им обоим было по 4 года. У девочки почему-то тогда не было подруг. И у Андрея тогда тоже ещё не было друзей. И они играли вместе с двух лет, шалили, смотрели по выходным мультсборники рядышком на креслах в кинотеатре, делились конфетами и игрушками. Даже в садик в одну группу вместе ходили. В общем, настоящие друзья – не разлей вода!

Эти три случая, которые сейчас расскажу, сблизили и сдружили их ещё крепче. Даже, уже повзрослев, они иногда вспоминали детство, эти случаи, и хохотали от души. Хохотали до истерики, до икоты, до слёз, до боли в щеках, и до заикания.

На четвёртый день рождения Андрюши мама прислала посылкой вместе с гостинцами настоящий чёрный пистолет с пистонами. Это было счастье. В городке все завидовали. Здесь, на острове, такие игрушки были большой редкостью.

Андрюша сначала стрелял с грохотом по всей квартире. Не расставался с ним ни на миг. На ночь клал пистолет под подушку. И, засыпая, любовно трогал его. Ждал утро. Чтобы снова бегать и стрелять. Дуло приятно пахло жжёной серой.

Потом грохот от пистонной стрельбы всем дома надоел.

Мальчику разрешили стрелять только на улице.

Потом кончились пистоны. Но пистолет по-прежнему был любимой игрушкой, Андрей таскал его повсюду.

В тот день во дворе было как-то пусто. Андрюша честно вылил очередную тарелку борща за комод, и ему разрешили погулять.

Делать было нечего. Иришка не показывалась, мальчик один бродил по двору с пистолетом и увеличительным стеклом. Он ждал девочку.

Ловил лучи солнца в увеличительное стекло и выжигал ими на деревяшке какие-то знаки и рожицы. Это тоже надоело быстро.

Тогда Андрей достал пистолет. Он увесистый и железный. Стал с нескольких шагов кидать его в деревяшку, на которой выжег солнцем рожицу дворового хулигана Петьки.

Иногда попадал точно, деревяшка падала. И Андрей, как герой, шёл поднимать поверженного врага. Потом снова ставил его на угол дома и кидал в него пистолет. Это было весело, интересно и увлекательно.

Андрюша уже даже представлял, как взрослый и сильный хулиган Петька ноет, прося пощады. Но смелый и ловкий Андрей побеждает его. И затем, как победитель, щедро протягивает руку, чтобы поднять его с земли.

Он так увлёкся игрой, что не заметил, как во двор вышла

Иришка. Услышала, что её дружок разговаривает сам с собой. И решила напугать друга, резко выскочив из-за угла.

Когда девочка с криком выпрыгнула на поле боя, Андрей уже кинул пистолет в Петьку. Пистолет смачно, со всей силой полёта, хлопнул своей тяжёлой ручкой Ире прямо по глазу!!! Подружка упала, как деревяшка...

Что было дальше плохо помнили оба!!! Крики, слёзы, боль, кровь, шок. Родители, бабушка, соседи. Ужас и страх. Кто-то побежал вызывать скорую помощь.

Андрей убежал домой, забился под свою кровать и трясась, сидел там, ожидая наказания от тёток. Он уже ясно представлял, что, когда его будут выковыривать из-под кровати руками, то он не дастся, и будет отпихиваться ногами. А, если начнут ковырять его чугунной кочергой, то он не вытерпит и вылезет... Сидел и дрожал от панического ужаса. Но не плакал...

Вместо наказания Андрюше купили новое пальто. Семья жила очень скромно и небогато. И на хорошую, дорогую вещь складывались всей семьёй. Приближалась осень, и бабуля, посоветовавшись со родными, поехала на поезде в областной центр. Привезла оттуда это дорогое, очень тёплое, новое детское пальто.

Однажды его разрешили одеть. Иришкин глаз уже зажил, и дети пошли гулять вместе. Они никогда не ссорились, им

было всегда интересно и хорошо вдвоём.

Вчера шёл осенний дождь, и они вместе спасали червячков. Бедные дождевые червячки расползлись повсюду. Чтобы подышать на земле. А не задохнуться от дождя под землёй. Червячкам было холодно и грустно. И одиноко.

Люди и машины, давили их колёсами и ногами. Не замечая и не жалея. Червячки извивались, но молчали. Кричать от боли они не умели. Умирали они тоже молча. Тогда Иришка и Андрюшка решили спасти несчастных червячков. Подбирать их с дороги и тротуаров и кидать в кусты, чтобы там их никто не раздавил и не поранил.

Сегодня дождя не было, червячки уползли к себе домой под землю.

Тогда Иришка придумала новую игру.

– Смотри, сколько возле школы пустых бочек. Пойдем по ним прыгать?!, – предложила подружка.

Бочки остались после ремонта школы. Они были из-под краски, извести, и каких-то ещё строительных смесей. Их было много, стояли они рядом во дворе школы, закрытые крышками, и по ним можно было весело и интересно прыгать, играть в догонялки.

– А мне бабуля новое пальто купила., – похвастался Андрей. Но он заметил, что пустые бочки нравились Иришке больше нового пальто.

Дети вприпрыжку побежали в школьный двор.

И правда, было очень интересно скакать сверху бочек, прыгать с одной на другую. Одному бы тут было скучновато, но с Иришкой любая затея превращалась в весёлое приключение.

На крышках бочек остались лужицы вчерашнего дождя. Но детям от этого было ещё веселей. Они прыгали, вода брызгала, и было хорошо и очень смешно.

Вдруг, после очередного прыжка, одна крышка внезапно перевернулась под весом Андрюшки. Она была не прикрыта полностью. Мальчик медленно, медленно, как во сне, начал проваливаться внутрь бочки. Бочка была из-под белой масляной краски!!!

Вся семья по очереди молча тёрла пальто каким-то растворителем или ацетоном... По всему дому была такая вонища, что терли по очереди, а потом выходили продышаться на воздух. Весь дом и двор всё знали, всё понимали и молчали.

Андрей стоял в одном углу. Иришка в другом. Они стояли в квартире соседей. Там воняло меньше...

Фото из архива автора

В конце нашего двора была помойка, деревянный туалет, а сразу за ними старое одноэтажное здание полуразвалившейся корейской школы довоенной постройки.

Андрюшке и Иришке было по пять лет. Они часто играли внутри пустой школы в прятки, в догонялки или просто бродили по коридорам и комнатам здания. На полу валялся разный мусор. Было интересно пинать мусор ногой. Иногда сюда приезжали машины, и старую школу помаленьку разбирали на дрова.

День летний, тёплый, какой-то задумчиво приятный и спокойный. Иришка со смехом предложила новую свою

придумку.

– А ты когда-нибудь бывал на рыбалке по-настоящему? – улыбаясь ясными глазами, весело спросила она Андрюшку.

– О! Сколько раз! Ничего интересного, – соврал дружок. На самом деле он никогда не был на настоящей рыбалке. Только, ещё совсем маленьким, его однажды взяли с собой на лесное озеро. Но он там не рыбачил, а только купался.

– Ну, скажи тогда, на какую наживку рыбачат? – не отставала девочка.

Дети стояли внутри старой школы. Андрей опустил голову, потому что врать подружке было неприятно.

– На червячков, – Андрею рассказывал это дядя Олег.

– Правильно, – улыбнулась Иришка. – А хочешь покажу, где их много? В туалете. Пойдём наберём побольше. А потом ходим на рыбалку, ладно?

Честно говоря, Андрюшке было как-то не очень интересно доставать из туалета червей. А тем более, он не был уверен, что их отпустят на рыбалку. И в туалете всегда стояла вонь. И резкий запах хлорки.

Он глянул на Иришку. Делать было нечего. Другой игры всё равно не было. А Иришка, похоже, сильно хотела поиграть именно в эту.

– Ну ладно, если хочешь, давай, – как-то вяло и неуверенно уступил Андрей.

– Только, чур, не обманывать. Сначала я тебе покажу, как червей доставать, а потом ты сам их набирать будешь, – заключила договор подруга.

Андрей кивнул. Иришка живо подняла с земли длинную палку и пустую консервную банку. Дети отправились в уличный туалет. Закрылись там, и Иришка начала учить дружка уму-разуму.

– Вот, смотри... – девочка просунула палку в дыру на полу и стала разгребать кучу дерьма, выуживая оттуда шевелящихся опарышей.

– А чего тут смотреть то? – брезгливо поморщился мальчик. Для вида он наклонился и снова распрямился. Завоняло отвратительным смрадом. Хлорка резала глаза до слёз.

– Ну, не интересно смотреть, тогда давай сам их доставай, – буркнула подруга.

– Много червей для рыбалки нужно? – уточнил Андрюша. – не хочу я тут копать...

– Вот возьми палочку и доставай, когда хватит, скажу, – настояла Ира.

– Ладно, – Андрей склонился с палкой над дырой. Ему было неприятно, и почему-то как-то стыдно. Будто он делает что-то нехорошее. И захотелось, чтобы они поскорее перестали играть в эту глупую игру.

Иришка складывала шевелящихся опарышей в консервную банку. Андрей задыхался от вони хлорки и тряс головой

от кашля. Глаза слезятся...

Вдруг его фуражка слетела с головы и плавно спланировала на вонючую жижу.

– Ну, вот, теперь меня дома убьют, – расстроился Андрей. Это было ужасно. Он ведь обещал домашним не лазить по разным странным местам. А тут ещё и кепку в туалет уронил.

– Всё! Хватит ныть! Давай, пойдём отсюда, – решительно приказала Иришка.

Андрей промолчал. Иришку он считал своим единственным и настоящим, самым интересным и верным другом.

Картина маслом. Из туалета, озираясь, выходит парочка детей лет четырёх. И идут к дому. Солнце светит. Во дворе тихо и спокойно, никого вокруг. Андрей сосредоточенный, напряжённый. Ириша, весело улыбаясь и счастливо глядя по сторонам.

Всё, что она предлагает, Андрюшка выполняет. Они настоящие друзья на всю жизнь. Они идут, держась за руки.

Вечер в своей квартире. Андрюшка в спальне залез под свою кроватку. И подслушивает громкий смех и разговор всей семьи на кухне за ужином.

– Он форменный дурак, – заключает учительница химии тётя Лариса.

Андрюша представляет «форменного» дурака. Этот ду-

рак, наверное, в такой форме. Типа спортивного трико с лампасами и в майке, на которой написано «ДЕБИЛ».

– Лариса, перестань. Не забывай, они же дети. Им ещё и пяти лет нет. – слышится добрый и оправдывающий преступление голос любимой бабули.

– Мам, а ты рассказала соседке про её скромную доченьку? – продолжает глумиться тётя Лора.

– Зачем? И не собираюсь. И ты не смей! – всё твёрже отвечает баба Валя. – Это глупо, во-первых, такое рассказывать соседям. А во-вторых, дети сейчас сами дрожат от того, что придумали. Они ведь могли и сами в ту дыру упасть. И, наконец, в-третьих, у Иры и Андрюши больше нет друзей. Ты хочешь, чтобы и совсем не было?!

На кухне все замолкают. Слышится только звон посуды и бряцанье вилок и ложек о тарелки.

Потом вдруг громкий смех. Мужской. Это засмеялись дядя Олег и дядя Валера. Потом ещё громче присоединяется залиvistый смех тётки Ларисы и тётки Милы... Бабушку не слышно. Но Андрейка знает, что смеются сейчас все. Вся большая семья. А была бы здесь сейчас мама, и она бы тоже смеялась со всеми. Иришкиной маме никто ничего не расскажет... Значит, будем дружить дальше... Кепку новую мне купят.

Это моё детство... Жизнь продолжается...

Глава 6. Там, где живёт Бог

Городок Чехов ютится в долине между трёх сопок, а четвёртой стороной выходит на Татарский пролив Охотского моря. Если встать лицом к морю, то справа сопка, на которой наблюдательный пост пограничников. Пограничники постоянно смотрят в трубу на море. У них есть автоматы. А слева сопка, на которой стоит вышка нашего телеретранслятора. Это самое волшебное и таинственное место.

Вообще на острове Сахалин самая чудесная и удивительно красивая природа. Лопухи растут выше человеческого роста. Стоит целый лес таких огромных зелёных зонтов. Под ними можно ходить, бегать и прятаться от дождя. По маленькой мелкой речушке, которая течёт прямо через весь городок, весной спокойно идут на нерест косяки лосося с икрой. В это время ловить эту рыбу нельзя.

Но смотреть можно. Вода от рыбы бурлит, будто закипает. Где-то в верховьях этой городской речки лосося откладывают икру и погибают. А мальки спускаются вниз и попадают в море. По берегу пролива, где мы купаемся и жжём костры, преспокойно гуляют крабы и чайки. Там лежит много масс морской капусты, из которой бабуля варит вкусный суп.

На островных ручьях и сопках часто встречаются непуганые медведи. Они кушают дикий мёд, ягоды, ловят рыбу. Но,

обо всём по порядку.

По телевизору в Чехове выбор программ был небольшой. Первая и вторая.

Если вдруг экран начинал мельтешить и сигнал пропадал, то бабуля говорила всегда одну и ту же фразу.

– Ну вот, опять телемеханик напился.

Андрюша сразу представлял сидящего наверху сопки телемеханика внутри вышки, и он пьяный, поэтому телевизор мельтешит, а не показывает.

Однажды, Андрею было уже лет семь, они с другом решили подняться на самый верх левой сопки и вблизи посмотреть на телевышку. Всё своё детство мальчик смотрел на неё только снизу, и она казалась такой далёкой, волшебной, нереальной и таинственной, будто из другого небесного мира. Очень хотелось даже потрогать её руками.

Решили пойти после обеда в субботу. Как раз бабуля попросила внука принести к вечеру свежей морской капусты с берега. Для супа. Тут она была в изобилии. У нас было целых полдня.

Какое-то незнакомое, приподнятое и торжественное чувство охватило ребят, когда они наконец то направились к подножию холма.

Внизу были огромные труднопроходимые заросли лопу-

ха, тростника, разные кусты и деревья. Дальше пошёл плавный подъём вверх. Сопка оголилась, оставалась лишь мягкая трава, цветы, редкие кустики барбариса. Встречались муравейники и гнёзда птиц.

Город виднелся внизу, весь, как на ладони. По дорогам бегали игрушечные машинки, люди превратились в букашек, дома меньше кубиков для игры.

Чем выше поднимались, тем сильнее захватывало чувство интереса. Будто приближались к чему-то сказочному, запретному, и очень манящему.

Андрюшка с другом запыхались при подъёме и на середине холма сели передохнуть. Глазели на город и смеялись.

Незабываемое чувство, когда смотришь сверху на родной город. Видишь его весь, сразу и целиком. От начала и до конца. Видишь всё, и так красиво.

Тебя не видит никто. Типа такой невидимка. Смешно было смотреть на вокзал. Там стояли три ниточки поездов. Махонькие и такие далёкие. Людей уже не было видно, но они там есть. Копоятся в своих мелких делах и заботах. Вон наш дом виднеется. А мы поднимаемся на самую верхотуру мира.

Смотреть наверх было ещё интересней. Вдалеке стоит телевышка. Она виднелась как памятник, как какой-то магический постамент. Будто в ней находились чудеса или стран-

ные существа из сказок...

Немного передохнув, мальчишки продолжили путь...

Под ногами цветочки душистого клевера, пчёлки жужжат, перелетая с одного на другой. Приятный ветерок. Мы поднимаемся. Уже хочется пить. Воды, конечно, с собой не взяли. А вдалеке море. Огромное, бесконечное. Синее. А мы идём вверх. Небо всё ближе.

И вот она! Красота и Тайна!

Телевышка. Вершина мира, где заканчивается земля и начинается небо.

Телеретрансляторная вышка города Чехова. Фото из архива автора.

Стоим молча. Дух захватывает. Вышка высокая, железная, огромная. Через неё показывают все телевизоры в моём городе.

Бабуля не узнает, что я без спросу приходил сюда. Не надо её пугать и расстраивать. К тому влетит мне по полной. Но, как здесь чудесно и красиво. На все четыре стороны Света простор. Куда ни глянь, мой остров. Моё море. Мой город. Моя Родина. Моё детство.

Андрюша с другом обходят кругом всю телевышку. Трогают руками. Она есть. Она настоящая.

Первая мысль – А как же сюда, на такую верхотуру завезли и установили это железо, этот домик телемеханика?

Бежим смотреть, куда ведёт тропинка от вышки.

Оказывается, с другой стороны горы есть дорога. И машина там проедет. А мы лезли по другой стороне, по целине, со стороны города. Теперь понятно. Даже спускаться вниз неохота. Такая чудесная красота. Здесь уже нет чаек. Здесь другие птицы. Коршуны и ястребы. Они любят высоту. И видят сверху они даже маленькую мышку или рыбку. Иногда воруют цыплят у соседей. Красотаааа!!!

Так не хочется уходить. Но надо. Ещё успеть зайти на берег, к морю, собрать свежую морскую капусту для бабусино-го супа.

Напоследок присели на каменную ограду. Посмотрели вниз, на город, на огромный наш остров, на бескрайнее море. Пожевали сочный клевер. Андрюшка высосал три кислых муравья. Можно возвращаться.

Обратно бежим вприпрыжку, вниз под гору. Ноги заплетаются. Падаем кубарем. Катимся по мягонькой траве. Хочем.

Небо отдаляется, город приближается.

Мой городок детства. Вид с соседней сопки. Фото из архива автора.

Мы ещё долго бродили тихие и счастливые по берегу залива, по нашему городскому пляжу. Собирали сплетения мор-

ской капусты. Разговаривали о чём то. И оглядываясь смотрели на вершину, которую мы уже покорили.

Это никогда не забыть. Это чувство детского счастья. Тайны. Волшебства и Чуда... Чистого восторга!

А та волшебная телевышка и до сих пор там стоит. Такая же высокая, красивая и далёкая. Как моё детство.

Она там есть. Я это точно знаю. И когда-нибудь опять к ней поднимусь... Обязательно!!!

Глава 7. Богом целованные

Больше не буду писать от имени персонажа. Надоело писать о себе в третьем лице. Прямо скажу, главный герой этой книги я сам. Читатель мой и сам об этом догадался.

С детства заметил в себе одну черту. Во мне всегда вызвали какой-то особенный душевный трепет люди с физическими и психическими отклонениями. Инвалиды, люди с детским церебральным параличом, с синдромом Дауна, хромые, глухонемые, заики, умственно-отсталые. Их часто недолюбливали сверстники, насмехались, презирали по-детски жестоко.

Как это объяснить, не знаю. Но, от таких людей я чувствовал, кроме обычной жалости к ним, ещё и какой-то особенный приятный покой, лёгкость и радость. Ощущал какую-то их бесхитрость, простоту, чистоту их большой души и тела. Но, тогда я не понимал, что это за чувства. Обижать и презирать инвалидов я бы никогда даже не смог. Я, наоборот, тянулся к ним, таким странным и одиноким.

Например, в раннем детстве я дружил с Костей. Он был несколько умственно-отсталый. Заторможенный. Над ним смеялись ребята, крутили пальцем у виска, никто с ним не играл и не дружил. Дети дразнили его дураком и идио-

том. Но, мне почему-то было очень светло рядом с этим добрым и простоватым парнишкой. Очень спокойно и хорошо. Только повзрослев, я смог понять эти чувства и разобраться в себе.

Мы мало разговаривали. Просто иногда ходили попрыгать по складу брёвен на старом бумажном комбинате. Бегали там. Прятались, смеялись.

Бумажный комбинат в Чехове – это такое волшебное место, где древесину перерабатывают в рулоны бумаги. Там были огромные, просто гигантские залежи леса. Место, конечно, особенное для детских игр и прогулок. Загадочно-необыкновенное.

Какая-то тайна жила во всех этих закоулках, в огромных, массивных залежах деревьев. В норах между стволов, в сумерках сваленных сосен и пихт.

Особенный живой запах древесины, смолы, опилок, стружки. Мы прыгаем по горам из разных стволов. Находимся будто на далёкой безлюдной планете.

Мы любили здесь играть. Фото из архива автора.

Костя часто смущался и улыбался без причины. Мне нравилось слушать его восторженные рассказы хоть о чём. Рассказывал он как то наивно, несколько глуповато, не по возрасту. Он был выше, сильнее меня физически. А я был такой худенький и слабый.

Но, так приятен был его тихий голос. Простоватый, спокойный, и всегда очень, очень добрый. Я ощущал с ним тихое равновесие, безопасность. А, может быть, уже тогда в детстве, какое то неосознанное своё превосходство. Но этим превосходством никогда не воспользовался. А наоборот, всегда поддерживал, защищал Костю от насмешек и злых шалостей и грубостей дворовых ребят.

Ещё мы с ним любили просто гулять по берегу моря. В любую погоду. Плеск прибрежных волн, свежий ветерок Татарского пролива. Отвесные строгие скалы ближних сопок. Неспешная ходьба. Сидим у костерка с приятным дымом, кидаем камешки в воду. Чайки кричат. Пахнет океаном, простором и свободой. Вдалеке небо дружит с морем. Горизонт. Над ним красное солнце.

Под ногами песок с камнями, ракушки, обтёсанные морской водой деревяшки. Очень много засохшей и свежей морской капусты. Я любил больше слушать, чем говорить.

Особенно великолепно в шторм, бурю... Море кипело, кричало, рычало, булькало. В небе тоже грохот и хаос. В душе от этой стихии возникал торжественный восторг. Не было страшно. Наоборот, приходил странный покой в душе.

Интересное дело, но рядом с такими людьми у меня от макушки до копчика ощущались волны приятных мурашек. И я совсем замолкал и просто наслаждался. Будто Ангел Небесный был рядом со мной при этих людях. Я чувствовал рядом не только оболочку обычного больного человека, а именно присутствие в нём чего-то чистого, светлого и таинственного. Доброго и божественного.

Потом, уже во взрослой жизни, я заметил, что это всегда так происходит у меня и до сих пор. Порой вижу в церк-

ви, в больнице, на улице или просто в транспорте маленького или взрослого человека с синдромом Дауна. И часто ощущаю что-то необыкновенное. Но такое приятное и тихое. Тёплое и спокойное блаженство. Радостное присутствие Ангела. В этих людях. Целованных Богом. Они светлые, безгрешные и очень-очень простые.

Расскажу один случай.

После университета я работал в маленькой заводской газетке. Называлась она «Новатор». Сначала работал простым журналистом. Затем ответственным секретарём. Потом уже редактором.

И был у нас в редакции один общий любимец. Он не работал в штате газеты. Просто часто заходил поболтать, попить кофейку, приносил рисунки, юмористические картинки, которые рисовал и придумывал сам. А мы их ставили в номер. И никогда ему не отказывали. Потому, что рисунки его всегда были смешные и очень добрые.

Назовём его Олег. Он был обычный инженер в конструкторском бюро нашего завода.

Так вот. Стоило Олегу зайти в комнату редакции, даже не успев сказать ни слова, он производил своим появлением какую то удивительную метаморфозу в моей душе. Сначала от макушки головы по спине до самого копчика волнами накрывали мурашки. Становилось блаженно, умиротворённо

и, даже, если я был очень утомлённый от журналистской работы, написания статей в номер, усталость ума сразу проходила, приходила свежесть восприятия и тихая радость.

Тембр голоса у Олега глубокий, внутренний, бархатистый, такой баритон, какой обожают все женщины. Но не только его голос обволакивал меня блаженством. А эта необычная сильная аура человека. Его поле, энергетика, такая чистая, приятная, гармоничная и светлая.

У Олега был низкий рост и большой горб на спине с рождения. Ходил он как то не совсем прямо, а немного в бок. Особенно трудно ему было подниматься без лифта к нам на пятый этаж. Но заходил он часто. Приносил не только свои юморные рисунки, но и конфетки девчонкам, пирожные и шоколадки от души.

При этом лицо всегда выражало детское светлое благодушие и тёплое расположение ко всем людям. У нас в редакции его все просто обожали. От фотографа, до редактора. Я любил с ним курить и разговаривать в перерыве на обед.

Позже я понял, что если человек лишен чего-то в одном, то Господь обязательно компенсирует этот недостаток в чём-то другом. Справедливое такое Божественное равновесие.

Конечно, не спорю, бывают и озлобленные на весь мир, обиженные и не очень добрые инвалиды. Но, основная мас-

са людей с физическими, психическими или эмоциональными отклонениями – это Богом целованные люди. Светлые, Добрые, Простые, Незлобивые, немного грустные и тихие, но по сути своей душевные и сердечные. Я имею право ошибаться.

Только мой опыт подсказывает, что Господь именно с теми и в тех, кто много страдал, был чего то лишён, здоровья, полноценности или ума, и остался при этом добрым человеком...

Да, если честно, не кривя душой, сказать о себе. То я и сам, хоть и не инвалид, но тоже далеко ненормальный психически. Какой то больной, неприспособленный, наивный. Может поэтому мне и хорошо с такими же...

Положа руку на сердце добавлю, мне с сильно правильными, очень нормальными, успешными и продвинутыми материально людьми немного скучновато, что ли... Не знаю, о чём с ними говорить. О деньгах? О проблемах? О карьере? А зачем?

Над нами одно небо, одно солнце. Воздух в наших лёгких один. Бог у нас такой родной и вечный. Один на всех. Я счастливый и благодарный. У меня для счастья уже всё есть. Вот, такой вот я взрослый, большой, счастливый идиот...

Глава 8. Волшебник Изумрудного Города

У меня есть своя дверь. Выход в мой космос. Иные миры, иные существа, места, времена, события. Там всегда побеждает любовь, добро, правда, красота. Там хитрецы, предатели и трусы обязательно получают по заслугам. А щедрые, добрые и честные всегда бывают вознаграждены. Зло там наказано, а добро торжествует победу. Эта дверь называется КНИГА.

Никогда!!! Никогда содержание книги не было отдельным от меня.

Первое знакомство с книгой. Бабуля читает сказку. Ершова. Конёк-Горбунок. Я, маленький мальчик, лежу в кровати. И вижу всё наяву. Не во сне. А наяву.

Трёх братьев, Сивку-Бурку, вещую каурку. Я уже весь в сказке. Сказка вся уже во мне.

Обычно сначала исчезает комната, потом бабуля становится невидима, потом пропадает сказка, и я уже весь живу в книге.

Сказка перед сном-это святая традиция. Фото автора.

Наблюдаю, слышу, вижу, пугаюсь и радуюсь за героев. Злюсь на хитрых врагов. Переживаю за обманутых, сжимаю детские кулачки. Бегаю по сказочным дорогам и полям. Си-

жу в засаде. Спасая, помогаю, боюсь, влюбляюсь, волнуясь, плачу и хохочу... И счастливо расслабляюсь, когда в сказке побеждает добро и любовь.

Так я познакомился с книгой. Моей дверью в иные миры. Так я выходил из своего дома детства в сказочные времена и пространства.

Читать ещё не умел. Но, каким то странным образом без остатка погружался в то, что было написано в книге. Без остатка. Это волшебство, это тайна, это что то совершенно неподвластное уму. Полное погружение и перевоплощение.

Моя первая книга, которую я уже смог прочитать сам – это «Волшебник Изумрудного Города». Бесстрашная девочка Элли, милый Страшила, верный Железный Дровосек, добряк Лев, забавный пёсик Тотошка.

Именно они учили меня честности, верности, дружбе, любви к приключениям. Поиску Правды, во что бы то ни стало. Я верил им больше, чем самому себе. Больше, чем родным в семье, чем строгим учителям в школе, больше, чем друзьям во дворе. Я с детства верил в Чудо. И это осталось во мне навсегда.

А как это было тогда.

Девять часов вечера. Начинается программа «Время». Андрюшу отправляют спать. Завтра в школу.

Но как это возможно?!?! У меня ж ещё недочитанная книга!!!

Выход есть. Опасный, запрещённый, вредный для сна и здоровья выход. Но всё же есть.

У меня припрятан маленький карманный фонарик с квадратной батареейкой. Батарейка уже слабая. Но лампочка, хоть и тускло, ещё светит.

Если меня поймают под одеялом с книжкой – тогда накажут. Будут ругать. Отберут книгу. Поставят на полчаса в угол. И фонарик спрячут. Очень, очень опасно это для детского ума.

Но ещё невыносимей для детского ума пытаться заснуть, зная, что глава не дочитана. Буду ворочаться. И всё равно не смогу уснуть.

Остаётся рисковать...

Под одеялом читать опасно, неудобно, душно, жарко и утомительно для глаз. Но книга захватывает. Неудобства ничто по сравнению с сюжетом.

Добавлю только, что я ни разу не попался за этим преступлением. Но зато совершенно испортил глаза. Пришлось носить очки. Слышать в свой адрес оскорбительные насмешки одноклассников «очкарик», «левша», «Иван-дурак», «заика». Я носил очки, заикался и был левшой, это правда. Короче, полудурок и урод, по меркам одноклассников. К тому же, у меня не было отца и матери, поэтому прилипла неприятная домашняя кличка «бабушкин козлик».

Конечно, я обижался. Всё больше погружался в себя и в книги. Но вот, хорошие книги были тогда большой ред-

костью. Мама присылала их с материка, и ещё я записался в библиотеку. Я брал книги у друзей, если их родители разрешали мне почитать. Любыми способами, но нужные книги находили меня сами.

Уже позже, когда мама забрала меня с острова Сахалин в большой сибирский город Новосибирск, моё лучшее подростковое время было таким.

Прибегал со школы. Бросал портфель на пол. Намазывал бутерброд с сыром. Ложился на диван с книгой... И читал весь оставшийся день до прихода мамы с работы.

Домашнее задание я никогда не делал. Выручала отменная память. Мне всегда было лень тратить время на домашние уроки, которые, как я думал тогда, в жизни мне совсем не пригодятся. Мне хватит того, что я хожу в школу, тогда я так считал. И, как оказалось, был прав.

Ещё позже я полюбил Гоголя, Ремарка, Пауло Коэльо, Карлоса Кастанеду, Чехова, Лермонтова, Достоевского. братьев Стругацких, Станислава Лема, Рея Бредбери, Кен Кизи и многих, многих других великих литераторов.

Но, всё начиналось именно с русских сказок. Я благодарен Богу и судьбе, своей большой семье, что родные познакомили меня с КНИГОЙ и приучили читать. И Бог сделал так, что я полюбил литературу. На всю жизнь.

Так вышло, что зрение я починил. На здоровье тоже не жалею. Телевизор не смотрю с 12 лет. Телевизор мне неин-

тересен. Но с книгами не расстаюсь до сих пор.

В моём родном городке есть кинотеатр «Утёс». Прекрасно помню, как я ждал утро воскресения. Мне выдавали 10 копеек на сеанс. Торжественный и счастливый я топал на очередной мультсборник, который начинался ровно в 11 часов в кинотеатре. Там показывали добрые советские мультики. Сборники мультфильмов под названием «Карусель».

В зале таинственно и волнительно медленно гас свет. И я замирал от восторга. Это было почти так же прекрасно, как КНИГА.

Но мультик можно только смотреть и слушать. А КНИГУ можно ещё и ощущать руками, нюхать носом, гладить шершавые страницы, прижимать к груди перед сном.. А этого мультфильмы дать никак не могли. Поэтому, когда сеанс заканчивался, в зале зажигался свет, ЧУДО заканчивалось. Я печально вздыхал и шёл домой. До следующего воскресения.

Страшным наказанием за разные мои преступления было не разрешить мне пойти на воскресный мультсборник.

А вот читать КНИГУ мне запретить никак не могли!!! Я бы выкрутился, спрятался, под кровать, в сарай, в подвал. Под землю бы в нору залез, на чердак, на небо. Но с КНИГОЙ!!!

Глава 9. Начало мышления

Запомнилось почему-то самое начало работы ума. И первые мои детские мысли.

Год примерно 1970, мне семь лет. У тети Ларисы родилась дочь. Я перестал быть самым младшим в большой семье. Девочку назвали Юлей.

Моя сахалинская семья. Фото из семейного архива.

Мысль такая посетила.

– Она только родилась. А мне уже семь. Значит, она проживет дольше меня. На семь лет. И я умру раньше ее. На семь лет. Нет, не может быть, я никогда не умру.

Сейчас понимаю, что довольно странное мышление для семилетнего мальчика. Но мысль эта почему-то оставила след в памяти. И за полвека этот след не стерся.

Удивительно устроен мозг. Что-то остается надолго, а что-то стирается почти безвозвратно.

Еще две мысли в детстве пробороздили ум так, что до сих пор ясно помню их.

Первая. Как ни старайся, бесконечность головой не понять. Ну вот, допустим, кончилась наша Солнечная система, и что там дальше? Другие звездные системы, галактики, звездные скопления... А за ними что? Край. А что за краем? И так до бесконечности. Умом это не понять, не обхватить. Ни конца, ни края. Лучше и не думать. И не пытаться. Бесполезно.

Вторая. Если старые люди вокруг умирают, то и я когда-то умру. Как это, умру? Насовсем что ли? Непонятно. Совершенно голову можно сломать, но непонятно. Умру и конец?

Становится почему-то легко и весело. Смешно. Капец, и точка.

Вот такие первые мысли посетили Андрея в раннем детстве. И не забылись в суете обычной жизни. Не стерлись. Прописались в голове на постоянное место жительства.

Вокруг плавной поступью шла Хозяюшка – Жизнь. Своим чередом. Для всех одна. Для всех живая, общая, вечная и интересная. Все жили, все были. И я, как все, среди всех.

Так я научился думать. Так закончилось бездумное детское Счастье.

Заработал ум, мышление, но умней я не стал. Стал задумчивым, озабоченным, загруженным. Обычная легкость жизни стала уходить. Как колючки стали колоть нудные понятия «Должен», «Обязан», «Надо»...

Выручали старые добрые подружки-книги. Потом фильмы. Потом друзья, потом гитара, музыка, алкоголь, любви, Армия...

Еще очень выручал чистый лист бумаги. Не туалетной. Хотя, и он тоже приятно облегчал процесс жизни в теле.

Именно лет в десять понял впервые этот загадочный кайф. Писать что то свое. Для себя. От себя. То, чего раньше не было. Рождалось само. Главное, не мешать. Оно рождается и потом живёт уже своей, непредсказуемой жизнью.

Эта встреча с новой тайной. Откуда берутся на листе новые строчки? Я их только записываю. Руками. Но кто их мне диктует? Ум? А откуда они в уме? Я их туда не складывал. Тогда кто их туда повпихивал? В голове что-ли этот неведомый склад? Или где?

Тайна, загадка, чудо непонятное.

Родилось первое стихотворение. Само. Вылезло на Свет Божий. И готово. Кто его просил вылезать?!?! Записал его. Начало жить своей, отдельной от меня жизнью. Как человек. Как новорожденный ребенок.

Так познакомился с новой дверью. Вошел в неё. И узнал впервые, что все книги пишут, оказывается, самые обычные живые люди. Которые тоже жили, ели, пили, спали, боялись, любили, страдали, болели и умирали. Самые обычные. Вот это ДА!!!

Вот это открытие!!! Одни живут в деревне, доят коров, крутят руль комбайна, стоят у станка на заводе. Сидят в конторе. Служат офицерами. Строят дома. А другие, такие же, пишут книги, сочиняют всю жизнь музыку, танцуют балет, снимают кино. Они не особенные. Они тоже из обычного мяса и костей. Они простывают, болеют, как все, напиваются, и ходят, как все, в туалет. По маленькому, и по большому. И Достоевский, и Лев Толстой, и Пушкин, и Гоголь... Все в туалет бегали...

Тут вдруг вспоминается ответ моей мудрой бабушки. Я серьезно спросил ее года в четыре.

– Бабуль, а девочки что? Тоже какают?

– Нет, Андрюш. Из под девочек мышки носят. – Также серьезно ответила бабушка.

Ну, никак не мог в детстве представить, что такие божественные и чистые создания, как девочки, тоже могут ходить в туалет, как все обычные люди...

Ну что ж... Издержки женского воспитания... И это тоже прошло...

Глава 10. Велосипед детства

Жили небогато. Но, не скажу, что совсем уж бедно. Жили – не тужили. Как многие в нашем маленьком рыбацком городишке.

Если кому-то в нашей большой семье нужно было купить дорогую вещь – то все, кто работал, собирали деньги в складчину. Копили, дружно экономили и отказывали себе в том, без чего могли временно обойтись.

Так мне и на пальто новое складывались. И даже на велосипед.

Многие из моего поколения, наверное, помнят, что не у всякого ребёнка в теперь далёкие семидесятые был настоящий двухколёсный велосипед. Всё-таки для некоторых это счастье так и осталось несбывшейся детской мечтой, недостижимой роскошью.

Вот и я втайне мечтал о таком «железном коне». Мечтал, но в свои восемь с половиной годков даже и не верил, что такая роскошь может когда-нибудь принадлежать и мне. Я видел, как гордо носятся по двору мои счастливые сверстники – обладатели этого блестящего скакуна. Как умеют они с демонстративной ловкостью отпускать руль и ехать на велике прямо, иногда даже как то лихо поворачивать без рук. А некоторые юные виртуозы велосипедного мастерства

могли резко вскидывать своего «железного коня» на дыбки и ехать некоторое время на одном заднем колесе. Тогда слово «КРУТО» ещё не использовалось для выражения крайней степени восторга, зато для этого было очень подходящее слово «НИШТЯК»!!!

Советский «НИШТЯК» моего детства.

И вот, однажды я, лежа перед сном в своей кровати с детской книжкой, невзначай услышал общий разговор на кухне за семейным ужином.

– Давайте начнём собирать Андрюшке на велосипед, это

будет лучший подарок. – Это послышался голос моей бабули. – Учится он хорошо, без троек. Вот только физически слабоват. На физкультуре среди последних. Пусть крутит педали, глядишь, и окрепнет за лето.

– Ну, за пару месяцев скопим, мама. – Поддержал мою бабушку дядя Олег. Он, не считая меня, был самым младшим в семье. Но уже пару лет работал токарем в судоремонтных мастерских нашего городишки.

Остальные бодро поддержали идею бабули и продолжили ужинать.

Заснуть, понятное дело, в ту ночь я не смог. Сердце бешено колотилось, я задыхался от волнующей смеси предвкушения счастья и смутного ужаса. Так и прокрутился в кровати без сна до самого утра.

Вместо ночного покоя меня мучили кошмары наяву вперемежку с волнением от будущего подарка.

Детские кошмары восьмилетнего мальчишки были таковы.

– А вдруг, я не смогу научиться ездить на велосипеде. Буду падать и падать. Есть же, наверное, люди совсем не приспособленные держать равновесие и при этом крутить педали. Может, я из таких?!!!

Сейчас уже я не помню, был ли у меня в раннем детстве трёхколёсный велосипед. Если даже и не было, то мне дава-

ли несколько раз прокатиться ребята во дворе. Вот на нём держать равновесие не нужно – всё равно не упадёшь. Другое дело, полувзрослый двухколёсный велик.

Эти смутные страхи не давали мне уснуть. И не только одну эту ночь. Картинки моих падений и неумения периодически предательски всплывали в сознании и мучили стыдом, детскими тревогами попеременно с радостным ожиданием.

Не дожидаясь моего девятого Дня рождения, мне подарили велосипед. Его гордо занесли в квартиру и показательно прокатали по большой комнате. Бабуля, мои дяди и тётки, видимо, ожидали увидеть мой сумасшедший восторг от подарка. Не знаю, что было тогда у меня на лице. Страх, радость или желание куда-нибудь спрятаться.

Подарок был великолепен!!! Красив и одновременно страшен...

Настоящий, железный, огромный, блестящий никелем руля и крыльев над колёсами, «железный конь». Багажник тоже был блестящий и очень красивый. Пахнувшая свежей заводской смазкой длинная велосипедная цепь. Ароматный запах новой резины колёс. На руле громкий звонок из нержавеющей стали. На раме аккуратно пристёгнута сумочка с гаечными ключами. Плюс к этому счастью прилагался алюминиевый насос. Подарок был великолепен!!! Красив и одновременно страшен. Велосипед, пугающий неизвестностью, как я на нём поеду. И вообще, как мне на него залазить. Велик был чуток пониже моего роста. А рама доставала мне до груди.

Дядя Олег при всех пообещал научить меня кататься на этом «звере»...

С ужасом я ждал выходных. В будни дядя Олег работал до самого вечера, а учить меня езде на двухколёсной громадине собирался в субботу.

Всё-таки я не умер от ожидания, и выходные наступили. В субботу, после завтрака, дядя Олег вытащил велосипед на улицу. За ним следом с любопытством вытащились все мои тётки, дядя Валера, затем бабуля и я сам.

Подойдя к дяде Олегу вплотную, я тихонько прошептал:
– Олег, давай отойдём подальше от всех. Учи меня там, где никто не видит.

– Боишься? Это тебе не игрушечные машинки по полу ка-

тать. – Дядя ухмыльнулся и сел на мой подарок. С лихим спокойствием он закрутил педали, я побежал следом.

Недалеко от школы есть маленькая улица, идущая под уклон. Здесь, возле школы, мой дядя впервые и посадил меня на «железного коня».

– Ты не бойся, просто рули. Педали даже можно не крутить, велосипед сам тебя повезёт под горку. Я буду придерживать за багажник. Не трусь, пацан, не упадёшь. – Спокойно заверил меня дядя. Я ему не поверил, но деваться было некуда.

И мы поехали. Втроём. Я, велосипед и бегущий сзади дядя Олег.

Мне уже почти начало нравиться. На сидении я был гораздо выше моих пеших сверстников. Я рулил, и велик послушно поворачивал в нужную мне сторону. Скорость веселила и радовала, и всё это было так необычно, интересно и совсем не страшно, что совсем позабыл о своем, бегущем сзади, дяде.

Когда же я всё-таки смог оглянуться назад, то поддерживающего за багажник дяди там не было.

О! УЖАС! Я тут же так перепугался, что совершенно позабыл рулить и держать равновесие. С грохотом велосипед навернулся, я тоже приземлился, и на скорости отлетел ша-

гов на пять от своего железного агрегата. Так я познакомился и тесно сблизился с моим новым товарищем по имени «АС-ФАЛЬТ».

– Ну что, племяш? Живой? – Весело или даже слегка насмешливо, как мне показалось, спросил подошедший сзади дядя Олег. – Ты же сам уже ехал нормально и ровно, без меня. Метров двадцать хорошо ехал, пока не обернулся.

Я размазывал кровь по грязным коленкам и не знал, что отвечать. Локти, нос и все выпирающие из меня части организма были содраны, но точно помню – боли я тогда не чувствовал.

– Ещё поедешь, герой, или уже домой пойдём? – Спокойно и с ехидной улыбкой поинтересовался Олег. – Хватит тебе на сегодня ранений или ещё хочешь?

– Хочу... Ещё... – Выдавил из себя я. Страх новых падений и травм был явно меньше постыдных прошлых ночных кошмаров.

Я вновь садился, ехал, падал, поднимался, влезал на велосипед, ехал, снова падал... Дядя Олег сначала продолжал поддерживать меня за багажник, но часто неожиданно я обнаруживал, что сзади никого нет. И, с каждым разом, это пугало всё меньше и меньше.

Дома, конечно, нас встретили «ОХИ» – «АХИ» бабули и тёток. Меня мазали зелёной, йодом, хотели даже бинто-

вать. Но я впервые за долгое время чувствовал себя счастливым. Настоящим смельчаком и бесстрашным парнем.

Видимо, это была самая первая моя победа над своими детскими страхами. Тогда я ощутил совершенно новое, очень приятное чувство – УВАЖЕНИЕ К СЕБЕ.

Всё же однажды я смог покорить своего гордого «железного коня»

Однажды я сам влез с нашего крыльца на велик, оттолкнулся и поехал. Крутить педали было очень неловко. Не доставали ноги. Но я научился спускаться то на одну, то на другую сторону и давить на педали всем своим тощим телом. Пробовал ездить под рамой. Экспериментировал, снова падал, но уже совершенно перестал бояться шишек, боли, ссадин и сбитых коленок. Защитных наколенников тогда

в СССР, конечно, ещё не было. Особенно на моём далёком дальневосточном острове.

Я так всей своей детской душой полюбил велосипед, что эта любовь на долгое время заменила мне желание иметь друзей и заниматься чем то другим. На занятиях в школе я постоянно страстно хотел только одного – поскорее усесться на велик и, забыв обо всём на свете, кататься до тех пор, пока меня не загонят домой делать домашнее задание.

Несмотря на мою верную любовь к велосипеду... Кстати, он отвечал мне взаимностью, и очень редко ломался и прокалывал свои колёса... Я ему изменил.

Это случилось, как всегда, совершенно неожиданно. В третьем классе мне очень понравилась новенькая девочка, перешедшая в наш класс из другой школы какого-то небольшого соседнего посёлка.

Тот посёлок находился в пятнадцати километрах от моего городка. Автобусы туда в то время ходили очень редко. Всего два раза в сутки возили рабочих и рыбаков в мой городок. А девочка каждый день приезжала в нашу школу на своём велосипеде. Вы только представьте, в какую рань ей нужно было ежедневно вставать, чтобы успеть приехать к началу первого урока.

Конечно, опыта умелого и лёгкого знакомства у меня то-

гда не было. Да и сейчас нет, если честно. Я просто любил подолгу смотреть на неё, особенно это было удобно, когда её вызывали отвечать к доске. Я «любовался» ей. Но тогда такого слова ещё не знал.

В школьной столовой можно было присесть к ней за один столик во время завтрака, но я стеснялся. Нравилась она мне всё больше и больше. Почти так же, как мой красавец велосипед. С велосипедом сдружился быстро, а вот с девочкой это было гораздо сложнее.

После окончания уроков она сразу садилась на велик и уезжала в свой загородный посёлок. Мне даже не хватило ума предложить проводить её.

Однажды она не приехала в школу. Я почувствовал себя неуютно. Мне стало уже не хватать её тоненькой фигурки в школьном фартучке и взгляда её скромных глаз.

Тогда я решил, что она, видимо, заболела. После уроков завез домой школьный портфель. Показал бабуле дневник. Двоек и нарушений поведения она не обнаружила, и я был отпущен на три часа гулять с велосипедом.

Недолго думая, я не стал, как обычно гонять по улицам и дворикам городка, а, набрав максимальную скорость, по-рулил в сторону посёлка, где жила моя возлюбленная.

Меня отпустили погулять всего на три часа. За это время я должен был успеть навестить девочку и вернуться домой. Задыхаясь от напряжения и дорожной пыли, я изо всех сил давил на педали, несясь по малознакомой дороге вдоль морского берега.

Только приехав в посёлок, я вдруг вспомнил, что не знаю адреса девочки. Мне были известны лишь её имя, фамилия и возраст. Нужный дом мне указали быстро. Открыла дверь красивая взрослая женщина. «Наверное, это её мама» подумал я.

– Здравствуйте, я из класса, в котором учится Лена. Она дома?

– Здравствуй, проходи. Только Лены дома нет. Она с па-

пой уехала в районную больницу.

– Заболела?

– Нет. У неё хроническая аллергия с рождения, и нужно раз в полгода проходить обследование у врачей.

– Значит, завтра её опять не будет в школе?

Мама Лены внимательно посмотрела мне в глаза и улыбнулась.

– Вы давно дружите?

Я смутился и не знал, как ответить. По правде говоря, мы ведь и не успели по-настоящему подружиться, она мне только очень нравилась. И снилась всего пару раз. Хотя, я думаю, Лена могла уже сама догадаться о моём трепетном отношении к ней.

– Да нет. Просто её не было на уроках, и я подумал, что она заболела. После школы решил навестить.

– Тогда проходи в дом, садись за стол, сейчас напью тебя чаем с домашними булочками.

В доме ароматно пахло свежей выпечкой, было уютно, кругом были расставлены комнатные цветы. Приятное тепло от русской печки убаюкивало мою усталость с дороги.

Если честно, я очень проголодался после школы, ещё не обедал дома. Плюс долгая быстрая езда отняла много сил. Но времени было мало. Я должен был успеть вернуться домой. Булочки пришлось отменить.

– Спасибо, мне пора назад. Пожалуйста, передайте Лене, что я сообщу в школе, чтобы там не волновались. До свидания! – Ответил я на приглашение. И вышел из дома моей Леночки...

На душе было скверно. Лену я не повидал. И завтра, видимо, не увижу.

Сел на велосипед, и медленно, уныло поехал в сторону своего дома.

Вернуться домой к назначенному сроку не получилось. Обратная дорога показалась слишком длинной и утомительной. Я вяло крутил педали и больше смотрел не перед собой, на дорогу, а на бескрайнее море, лижущее ласковыми волнами мой родной остров детства.

За опоздание меня лишили общения с железным другом на целых три дня. Я не стал оправдывать себя и рассказывать, где был. Протёр велик от дорожной пыли и поставил его отдыхать до лучших времён.

Как раз, через эти три дня домашнего ареста, в школе наконец то появилась Лена.

Однажды ночью я дал себе твёрдую мужскую клятву подойти к девочке и предложить ей дружбу. Я представлял себе это в красочных картинках. Краснел под одеялом от смущения. Но клятву всё же исполнил.

После уроков смог подойти к Лене. Мне повезло, рядом не было насмешливых одноклассников.

– Ты не ходила в школу, я приезжал к тебе в посёлок. – Издалека начал я.

– Я знаю. Зачем ты приезжал? Учителя раньше тебя знали, что меня не будет три дня. – Равнодушно улыбаясь, ответила Лена.

– Хочу с тобой дружить. И провожать после уроков. – Настойчиво исполнял я свою клятву.

– А не боишься наших ребят? Ведь засмеют. – Лена пристально посмотрела мне в глаза.

– Разве это смешно? У меня нет друзей, и у тебя в нашей школе ещё нет приятелей. Можем после школы вместе кататься у берега моря. Потом ты уедешь домой. А я буду встречать тебя утром у школы.

Девочка не ответила. Она повесила портфель за плечи и села на свой велосипед.

– До завтра. – Сказал я.

Она поставила ноги на педали и покатилась прочь от меня. Метров через двадцать вдруг остановилась и помахала мне рукой.

Моё маленькое сердце заныло от счастья. Это была вторая моя победа над собой.

Вскоре мне снова разрешили брать велик на прогулку после школы. Мы с Леной подходили к моему дому. Я остав-

лял свой портфель. Выносил железного друга, и начиналась дружба мальчика с девочкой. Ехали на пустынный берег моря. Бродили по нему, кидали камешки в воду. Она о чём-то весело щебетала, я больше молчал и с наслаждением слушал её негромкий чистый голосок.

Однажды на такой прогулке она спросила:

– Если я вдруг умру, ты сразу найдёшь себе другую подружку?

Вопрос поставил меня в тупик. Я просто как-то никогда и не думал об этом. Но Лена замерла и ждала мой ответ.

– Мне кажется, мы уже не расстанемся с тобой. И вообще, может быть я умру даже раньше тебя. – Сморозил я глупость.

Но эта моя глупость почему то понравилась Лене. Она замурлыкала себе под нос какой-то знакомый мотивчик и отбежала от меня к самой воде.

Под ногами шуршали кусты выброшенной волнами на берег морской капусты. Мы присели на отшлифованное приливами старое бревно. Так хорошо, как с Леной, мне ни с кем не было. У неё появился друг, а у меня подруга. Плюс два велосипеда, которые тоже подружились между собой...

И пусть наши насмешливые одноклассники начали дразнить нас «молодожёнами». Но ничего уже не могло помешать нашей чистой детской дружбе...

А знаешь?... Это так бывает... Так странно...

Всегда, когда очень-очень хорошо с каким-то дорогим человеком, когда он рядом, думается, что не расстанешься с ним никогда-никогда. Что будешь идти с ним по жизни вместе, идти всегда рядом... Так каждый раз... А ведь никто не знает, что там, за следующим поворотом судьбы. Даже неизвестно, что будет завтра. И вообще – будет ли оно, это самое «завтра»...

Но, вернёмся же скорей к нашим юным героям моей детской памяти...

Учась вместе в третьем классе, мы с Леной настолько сдружились, что я уже совершенно не представлял ни дня без неё. Она стала приезжать ко мне в городок даже в выходные. Или я приезжал к ней в её тихий посёлок.

Не говоря уже о школьных буднях. Я пересел за её парту в классе. Все и в школе, и в моём дворе со временем привыкли к нашей дружбе. И насмешки над нами постепенно прекратились сами собой.

Я даже учиться стал лучше, чтобы родные не запрещали мне подольше гулять. Интересно то, что постоянными спутниками моих внеклассных встреч с Леночкой были наши велосипеды. Также постоянным нашим другом стало моё любимое море.

Однажды во дворе ко мне подошёл соседский мальчишка.

– Дай покататься. – Запросто попросил он мой велосипед.

– Не могу. – Ответил я. – Не обижайся. Проси, что хочешь, только не велик.

В моем представлении дать кому то мой велосипед, даже на время, было чем-то совершенно невозможным. Это всё равно, как если бы кто-то сказал мне:

– Слушай, мне нравится твоя подружка, дай мне её на время, подружить. Потом верну.

Или сказать по-другому:

– У тебя такие классные трусы, дай поносить на часик.

Мой велосипед давно стал настолько неотъемлемой частью меня самого, такой же драгоценной моей собственностью, как подруга Леночка, как моё огромное любимое море, как наша с ней дружба. Разве мог я этим с кем-то поделиться?!!!

Мальчишка вскоре мне отомстил.

В один из летних дней, после уроков, я приехал домой пообедать. Велосипед в квартиру заносить не стал. Потому, что после обеда я собирался ехать к Лене в посёлок. Она сама пригласила меня в гости на мамины пирожки.

Выйдя из подъезда своего дома, я сначала не поверил глазам. У крыльца моего верного «скакуна» не оказалось. Это теперь, в наше «взрослое» современное время, люди стали пристёгивать к ограде или заборам свои мотоциклы и вело-

сипеды цепями на замки. А тогда, в далёкие советские семидесятые, такого просто не было принято.

Я в паническом ужасе сел на крыльцо, не зная, что делать. Сотовых тогда ещё не придумали. И я даже не знал, как сообщить своей девочке, что не смогу приехать к ней в гости. Домашние телефоны тоже были далеко не у всех. Это было предметом семейной гордости и даже некой роскошью.

С неимоверным усилием детской воли я заставил себя вернуться в дом и рассказал о своём горе бабушке. Мы сразу вышли и начали с ней искать велик по улицам и дворам. Безрезультатно.

Только на следующий день дядя Олег где-то во дворах обнаружил мой велосипед. С поломанными спицами, с проколотыми колёсами и погнутым рулём. Без багажника, без блестящего звонка и без красивой сумочки с инструментами. Насос тоже отсутствовал.

Так печально и больно мне было смотреть на моего бывшего «красавца», а теперь изуродованного инвалида. На другой день Лену в школу привёз её папа на мотоцикле. Оказывается, моя дорогая подруга специально сама попросила об этом отца. Чтобы не напоминать мне о велике. Как она узнала о моём горе, для меня до сих пор осталось загадкой.

Впервые мы гуляли с ней пешком. Сидели, как обычно, на берегу моря. Кидали в воду камешки. Вдыхали острый

дымок маленького костерка.

Это было так прекрасно и трогательно с её стороны, что я почти перестал расстраиваться из-за кражи и поломки своего велосипеда.

В выходные дядя Олег на пару с дядей Валерой чинили моего «железного коня». К обеду воскресения велик был исправен. А перед этим, утром того же воскресения, приехавшая ко мне Лена сидела со мной в кинотеатре. Мы смотрели утренний сборник мультфильмов. Держась за руки. По-детски счастливые и по-взрослому неразлучные. В сумраке кинозала на экране за ловким зайчонком неумоимо носился неудачливый, но смешной волк из «Ну, погоди!», весело кружилась мультяшная «Карусель».

Как странно... Всегда, когда очень-очень хорошо с каким-то особенно дорогим человеком, когда он рядом, думается, что уже не расстанешься с ним никогда-никогда...

Осенью того же года мы расстались. Расстались и наши друзья-велосипеды, которые так привыкли друг к другу. Насовсем. Приехала с материка моя мама и забрала меня с острова.

В четвёртый класс я уже пошёл в другом большом городе, в другую школу, в другой класс. Лена и велосипед остались на Сахалине. Остались во мне неувядающим, самым чистым, добрым, радостным и светлым воспоминанием моего далё-

кого теперь детства...

Глава 11. Женская доля

Глава о самом светлом человеке.

Посвящается моей самой дорогой, навеки горячо любимой, родной бабушке Вале. Храни её, Господь.

Её матери, русской оперной певице, пришлось отдать трёх своих дочерей на попечение в Императорский детский сиротский Дом Санкт-Петербурга ещё при Великом Императоре Николае Втором. В 1913 году.

Так вышло, что певице нужно было срочно уезжать на гастроли за границу. А маленькие дети были бы там без должного воспитания и попечения. Оставить в России их было просто не с кем.

Так трёхлетняя Валечка оказалась в детском сиротском Доме, который находился под патронажем самой Великой Светлой Императрицы. Высочайшая особа сама часто с царственной свитой приезжала в приют навестить воспитанниц, непременно весьма тщательно следила за порядком в сиротском Доме и питанием девочек. Ну, и конечно, подарками дети обделены не были. Особенно в православные праздники.

Полный пансион плюс строгая и чопорная воспитательница фрау Марта. Фрау Марта была чистокровной немкой.

Со своими национальными обычаями и привычками. Например, бабушка рассказывала мне со смехом, как обычно за столом в трапезной приюта сидят дети, обедают. За их спиной важно прохаживается фрау Марта и поучительно приговаривает:

– Кушайте хорошо, детки. Это вам Бог послал и Государыня. Если захотите пукнуть, пукайте. Газы держать в себе это не есть хорошо и даже вредно для здоровья.

Светское образование и духовное воспитание в Императорском сиротском Доме было на благочестивой высоте. Лучшие учителя, лучшая библиотека. Танцевальный и спортивный залы. Несколько иностранных языков, музыка, сольфеджио, обучение танцам, благопристойным манерам с самых ранних лет.

Так проходило приютское детство моей бабушки. Потом случилась неразбериха, смута, октябрьский переворот, революция. Императорский сиротский Дом, конечно, закрыли. Фрау Марту арестовали.

Подростки дети поступили кто куда. Кто учиться, кто работать. Раскидало их смутное время. Сестры разъехались по всем концам огромной Империи. Одна во Львов, вторая в Тирасполь, третья на Дальний Восток. Валечка окончила какие-то женские рабочие курсы и завербовалась на Дальний

Восток. Там всегда требовались рабочие руки для обработки рыбы.

Она работала на рыбозаводе во Владивостоке, там и познакомилась с будущим мужем.

Мой дед был моряком. Работал на флоте. Добывал в бескрайних просторах Тихого океана себе заработок на рыболовецком судне.

Ещё он был непоседой. Менял суда, переходил из одной команды в другую. Искал себе лучшую долю.

Вот так однажды они и познакомились. Он отдыхал на берегу после очередного плавания. Зашел в местный морской Дом Культуры на танцы. А тут и Валечка.

Пожились. Через год родилась моя мама. Во Владивостоке. Вале было уже 29 лет. Это был первый ребенок.

Потом война. Сумбур, разруха. Голод. Работа на рыбзаводе с утра и до полного изнеможения. Без праздников и выходных. Фронту нужны были консервы, и рыбообработчики работали не жалея себя.

Потом Победа и начались кочевые странствия семьи Колесниковых. Тут всюду развернулся непоседливый характер деда. К тому времени родились ещё двое. Мой дядя Валера и тётя Лариса.

Несмотря на наличие малолетних детей в семье, дед любил срываться с насиженного мета и куда-нибудь ехать.

Обычно это происходило неожиданно. Все работают, дети ходят в садик и ясли. Приходит с работы дед и говорит жене Валентине:

– Собирай детей. Мы уезжаем.

Куда уезжаем никто толком не знал. Собирались наспех вещи, увольнялись с работы. Брались билеты на поезд и в путь!

Из-за вечной нехватки денег билеты брались самые дешёвые. В общий сидячий вагон. Поезд часто останавливался на полустанках и подолгу стоял. Ехали столько, насколько хватало денег на дорогу и на продукты. Потом дед внезапно командовал:

– Выходим!

Семья с тремя маленькими детьми спешно выгружалась из вагона на вокзал и сидела на чемоданах. Валя раскладывала на полу вещи, так, чтобы уложить детей спать. А дед убежал куда то в незнакомый посёлок..

Возвращался к вечеру и говорил, что завербовался на какую то новую работу. Мол, договорился насчёт временного жилья.

В тесноте, да лишь бы не в обиде. На какое то время всё налаживалось, обживалось. Дети устраивались в садик, моя мама в школу. Опять все работали и жизнь приходила в норму. Но ненадолго.

Через некоторое время всё повторялось. Приходил с работы дед. Говорил, что уволился и получил расчёт. И нужно

опять куда то ехать.

Однажды решили ехать к сёстрам Вали. Во Львов. Денег немного скопили на дорогу. Дети слегка подросли. Сорвались с места, бросили дом и поехали.

Сестра моей бабушки жила во Львове очень бедно и неустроенно. Замуж так и не вышла. Детей не имела. К тому же, она стала инвалидом по зрению и за ней нужен был уход. Валентина устроилась на работу. Вечерами ухаживала за сестрой и детьми. Даже в обед прибегала с работы, чтобы накормить и проследить за всем в доме. Ютились все в одной комнате 15 метров.

Деду всё не нравилось, начал выпивать, скандалить, обижать жену и её сестру. Но на работу не прогуливал. Детей пока не трогал. Каждый вечер приносил с работы шоколадку или конфеты.

Однажды пришёл вечером с работы злой и угрюмый. Не скандалил, а сразу лёг спать. Утром сказал, что нужно уезжать обратно на Дальний Восток. Мотивировал он тем, что на Сахалине теперь хорошие заработки. Мол, сестра Вали не пропадёт и без них.

Бабушка Валя опять промолчала. Взяли билеты в общий вагон. Ехать почти 10 суток. Жара. Вонь. Скученность. Денег еле хватает на продукты и чай.. В туалет вечная очередь. Поезд еле ползёт или стоит подолгу на каждой остановке. В вагонах воруют даже самые никчёмные вещи. Тогда бабушка

сказала деду:

– Знаешь, Алексей. Это наше последнее странствие. Дёргать детей я больше не дам. Приедем на Сахалин и там осядем.

Поезд прибыл на конечную станцию материка Советская Гавань, где паромная переправа с материка на остров Сахалин. Материк тут заканчивался и начинался Тихий океан. Край Света.

Все были унылы, вымотаны, дети простывшие и уставшие от долгой дороги. А ещё нужно было 12 часов плыть на пароме. Да и дальше ждала полная туманов неизвестность. И такой же туманный остров, похожий на гигантскую рыбу в Тихом Океане.

Моя родина остров Сахалин. Фото из личного архива автора.

На пути к острову паром настиг шторм. Люди сидели в ка-

ютах, кто мог. Кто не мог, тех рвало на палубе. Пришвартоваться к берегу в такую бурю никакой возможности не представлялось. Это было бы слишком опасно. Болтанка в море продолжалась около суток вместо 12 часов.

Взрослые легче переносили качку. Детей рвало и полоскало каждые несколько минут. Выворачивало наизнанку в духоте каюты. Бледные, пожелтевшие, измождённые, покачиваясь от бессилия, вышли на берег острова в порту Холмска. Что дальше делать и куда деваться никто не знал. Родственников, друзей и даже просто знакомых тут не было. Деньги кончились. Океан и туманы. Остров Сахалин. Край мира...

Дед попытался устроиться на работу прямо здесь, в порту, но его не взяли. Тогда Валя расстелила пожитки на морском вокзале и уложила обессиленных от качки детей спать. А сама с мужем начала перебирать вещи, чтобы выбрать что то на продажу.

Дед Алексей Григорьевич отнёс вещи на рынок и с трудом продал, буквально за копейки. Этого хватило лишь на то, чтобы снова купить билет на поезд и отправиться в далёкий рыбацкий колхоз на заработки вглубь острова.

Прибыли в город Чехов. Здесь нашлась работа и временное жильё в ветхом деревянном бараке. Дети пошли в школу. Родилось ещё двое, тётя Мила и дядя Олег. Семьи тогда у всех были большие. Пятеро детей никого не удивляло, были семьи и поболее. Пока бабушка сидела с детьми, дед работал в плавании на рыболовецком судне в море. И летом и зи-

мой. Месяцами его не бывало дома, и Валентина Дмитриевна выкручивалась, как могла. чтобы прокормить себя и детей.

Затем приходил с рейса дед. На берегу начинал гулять, пить, бедокурить. Пропивать заработанные таким жутким трудом деньги. Однажды поднял руку на бабушку. Она простила его. Но это начало повторяться. Тогда она пошла в администрацию города и попросила дать ей с детьми отдельное от мужа жильё. К тому времени бабушка была уже очень уважаемым человеком в маленьком рыбацком городке. Работала бухгалтером. Брала работу на дом. Трудилась честно и не покладая рук, чтобы прокормить семью. Никогда не сидела без дела. Пятеро детей и всё одна. Одна.

Жильё ей дали. Отдельную двухкомнатную квартиру в каменном доме с печным отоплением в центре городка. Это было просто чудо. Вот тогда семья зажила относительно спокойно. Алименты дед платить не собирался. Только подвыпивший частенько приходил в наш дом, просил Валентину Дмитриевну вернуться и жить вместе. Бабушка уже столько натерпелась, столько прощала его, что ни сил, ни желания для совместной жизни не осталось. Дети подросли. Моя мама вышла замуж. Она была старшей дочерью в семье. Родился я.

Меня поймут особенно те мои читатели, которые жили в частном доме и знают, что такое тепло русской печки. Та-

кое домашнее, родное, уютное тепло согревающее не только тело, но и саму душу. Такое обычные батареи дать не могут.

Вот такой покой, уют и душевное тепло всегда исходило от моей бабули. К ней всегда тянулись самые разные люди, соседи, коллеги по работе, просто знакомые. К ней шли поговорить, рассказать о своих несчастьях и горестях. Она всегда чудесным образом находила для каждого свои особенные согревающие и утешающие слова. Помогала и словом и делом. Её любили и уважали все жители нашего маленького городка. Она умела быть для всех родной и близкой.

Моя бабушка Валентина Дмитриевна Колесникова. Фото автора.

Никогда не унывала. Я вырос в этом доме. помню, сколько добра и заботы было о каждом в нашей большой семье.

На крупные покупки собирали все вместе, копили мне на пальто и велосипед. Каждый уже работал и нёс все свои деньги в общий семейный котёл. Жили небогато, но и никому не отказывали из друзей и соседей. если просили займы.

Я ни в чём не нуждался. Вокруг бабули всегда была тихая, спокойная и надёжная радость. Моя мама уехала на материк после смерти моего отца. Поступила учиться в институт. Я остался с бабушкой на острове. Мне тогда было 2 года. И я стал как бы самым младшим ребёнком в большой дружной семье. Шестым. Именно не внуком, а полноценным общим ребёнком.

Постепенно я стал любимым в семье. Самым маленьким. Меня, конечно, баловали. Плюс посылки с материка от мамы. Придёшь со школы, глядь, а ботинок уже нет. Вымыты, начищены, стоят, на печке сушатся. Бабуля всё делала незаметно.

Тётки мои даже бурчали на бабулю.

– Разбалуеть ты его. Обленится пацан. Сам бы к порядку приучался.

Думаю, они были правы. Но бабуля меня так любила. Больше всех. Ведь так бывает часто, что внуков любят больше собственных детей.

Она была совершенно необыкновенная женщина. Столько натерпевшись в жизни от мужа, не озлобилась, не замкнулась в себе, веру в людей не потеряла. А напротив, всегда сама других утешала, и помогала, чем могла. Словом и делом

согревала.

Только благодаря её поддержке я закончил и колледж и два института. Мне всё часто надоедало, и без её уговоров бросил бы скоро учёбу.

Благодаря заботе и уговорам бабули я закончил техникум.
Фото автора.

У бабы Вали была одна совершенно чудесная и очень ред-

кая черта. Особенно для женщин. Она никогда не умела делить людей по принципу «Свой – Чужой». Чужих для неё вообще не существовало.

К примеру, соседи или знакомые могли абсолютно запросто попросить её приглядеть за своими детьми, а сами куда-нибудь отлучиться на весь день.

Возвращаются, бывало, поздним вечером, а дети уже сладко спят. Сытые, довольные, наигравшись за день. И ещё, пока соседей не было дома, бабуля успела им и ужин приготовить. Так было всегда и во всём, чего касалась бабушка.

Не помню, чтобы в нашем доме когда-нибудь были ссоры или даже просто серьёзные споры между родными в семье. Никаких разногласий. Тихая, размеренная, спокойная и очень уютная жизнь.

После ухода от мужа бабушка больше замуж не вышла, полностью посвятив себя детям и внукам. Хотя желающих на её руку и сердце в городе было немало.

Она редко бывала одна. Стоило ей выйти на улицу и сразу подходили знакомые, соседи, друзья. Всем хотелось поговорить с ней, спросить совета или просто поболтать на любую тему. Всех выслушивала с приветливой улыбкой и уважением. Какие то невероятной силы волны тепла и доброты исходили от неё. Люди это сразу чувствовали и уже никогда не забывали этот душевный тёплый свет.

Ещё бабуля очень любила писать и получать письма. Бывало, получит письмо от моей мамы из Новосибирска, раду-

ется, как дитя. Прочитает сама. Потом вечером придут все с работы, она соберёт всю семью за ужином, и опять прочитает письмо при всех вслух. И улыбается, счастливая. Затем срочно идёт писать ответ. И пишет полночи.

Вот так мы и жили. Мирно, размеренно, дружно и спокойно.

Прожила бабуля свою долгую жизнь честно, всегда в трудах, не покладая рук. Долгих 86 лет. Религиозной не была. Но под старость, когда ей было уже за 70, полюбила слушать христианское радио. Церквей в нашем городке тогда не было. Партия ведь упорно вела страну к коммунизму.

Бывало, включит вечером радио Филиппин и слушает истории о Христе. Растрогается, плачет и умиляется. Меня в детстве не крестили, да, думаю, и никого из моих родных тоже.

Но прожила бабуля и без заповедей библейских честно, праведно и по совести.

До самой смерти сама себя обслуживала, и ещё умудрялась детям, внукам и правнукам помогать. Ни разу даже слова дурного от неё и о ней ни от кого не слышал.

Я жил уже второй год в монастыре, когда получил с Сахалина письмо о смерти бабушки Вали. Там рассказывалось, как именно она умирала. Так тихо и мирно...

Утром, как обычно встала с постели, умылась. Позавтракала. Решила снова прилечь, глубоко вздохнула, и говорит

дочери Ларисе:

– Ты иди пока. А я сейчас долго-долго буду спать. Прикрыла глаза. Так она и ушла в мир иной...

Такая спокойная, без трагедий и болезней добрая смерть... Сам Господь, видимо, взял её добрую Душу себе на руки и поселил рядом с собой.

Провожал в последний путь её весь город. Люди как-то сами узнавали об уходе бабы Вали. Процессия растянулась почти на километр. Администрация города взяла на себя все расходы по организации похорон и поминок. Был городской духовой оркестр, море цветов и венков. Люди отдавали дань благодарности близкому и дорогому для всех человеку.

Храни тебя Бог, моя милая и бесценная бабуленька. Я твой внук и навеки родной, помнящий тебя человек...

Когда писал эту главу о бабуле, меня очень тронули светлые воспоминания моего детства и юности. И вдруг подумалось... А, может быть, и мои читатели прочитав это, вспомнят добрым словом своих живых или уже ушедших стареньких матерей и бабушек. Возьмут и позвонят им сейчас, если живы. Или помянут ушедших за семейным столом, и в церкви поставят свечечку с молитвой родным за упокой.

Я свою бабулю любил и при жизни, и сейчас люблю. Чего и вашим родным желаю. Лучше, конечно, успеть ценить и благодарить их при жизни. Чтобы потом, у оградки кладбища, нам стыдно не было... И чтобы не стало уже слишком поздно... Лучше успеть при жизни...

Поклонный крест на кладбище. Фото автора.

Глава 12. Рай находится здесь

Мама работала ведущим инженером оборонки. Разработка военной продукции плюс её обслуживание и сопровождение на этапе испытаний в войсках.

Конечно, это постоянные командировки по всему Союзу. Ну и я, за мамой хвостиком. Она меняла города, я менял школы.

Закрытые пограничные городки, военные части, почти походный быт. Но я был юн и меня ничего не напрягало, кроме одного. Я ни с кем не успевал подружиться в своём классе. Только появится товарищ у меня в школе, так мы снова переезжаем в другой город, республику, страну.

Однажды на мамин День Рождения командование одной из воинских частей в благодарность за честную и ответственную работу скинулось и подарило маме магнитофон. Год 1973. Мне 10 лет, и я просто в жутком восторге от такого подарка, наверное больше, чем сама мама.

Настоящий катушечный магнитофон с микрофоном и парой коробок магнитных лент – это же просто шик того советского времени. Особенно для меня, мальчишки четвёртого класса школы.

Мало у кого из моих одноклассников были магнитофоны в семье. Разве что только у детей штабных офицеров.

Вместе с магнитофоном было две катушки в картон-

ных коробках, одна не записанная, чистая плёнка, и вторая, на которой было чёрным фломастером коряво выведено – «ПОП-МУЗЫКА».

В десять лет я был ещё мало знаком с музыкой. И не мог знать, что «ПОП-МУЗЫКА» – это значит популярная музыка. С замиранием сердца я представлял себе, что сейчас вот включу эту катушку и запоют басом какие-то бородатые попы.

Но запели совсем не попы, а запел приятный баритон саксофона. Я промотал всю катушку в недоумении. А где же попы?! Попов не было совсем, и я начал приучаться к ежедневному слушанию разной музыки.

Мы с одноклассниками таскали тяжеленные катушечные магнитофоны из дома в дом. Переписывали понравившиеся песни и мелодии.

Так познакомился с «Beatles» и КГБ. Битлы перевернули всю мою жизнь. Это стало моей первой настоящей музыкальной страстью. И КГБ тоже чуть не перевернуло всю мою жизнь. Но, слава Богу, обошлось без репрессий и тяжких последствий.

Дело в том, что некоторые офицеры привозили из заграницы иностранные пластинки. Которые не продавались тогда в СССР в открытую. Стоили они баснословных денег. Маме нужно было бы работать целый месяц, чтобы, допустим, приобрести такую пластинку.

Ребята по тихому обменивались пластинками, переписы-

вали музыку себе на магнитофоны, потом давали переписать мне.

Чтобы узнавать о музыкальных новинках был лишь один способ. Слушать скрытно запрещённое в Советском Союзе зарубежное радио. Это радио глушили треском, шумами, помехами «товарищи» из КГБ, но кое-что всё-таки прорывалось ко мне в уши. Если прислушаться очень-очень внимательно, и особенно по ночам. Чтобы никто не знал и не мешал. Слушал по переносному радиоприёмнику «Спидола» вещание западных станций «Голос Америки», «Немецкая Волна», «ВВС» и «Радио Свобода». Политика меня никогда совершенно не интересовала. Власть и политика – дела грязные, лживые и кровавые. Это я понял быстро, ещё в детстве.

Меня интересовали только передачи о музыке и музыкантах.

Я влюбился в рок. Потом в «тяжёлый металл», потом в блюз. Затем уже слушал с наслаждением всё подряд, вне зависимости от стилей и жанров, лишь бы меня за душу цепляло. Стал разбираться в настоящей музыке и понимать на слух английский язык. Вникать о чём поют зарубежные группы. О том же, о чём поют все нормальные люди на нашей планете. О любви и разлуке, о мечтах и счастье, о горе и красоте.

Также в те застойные времена я любил слушать правдивые песни Владимира Высоцкого. Его звонкая гитара и грубый голос с хрипотцой на многое открывали глаза мне, подростку, растущему без отца.

Я продолжал переписывать пластинки. Фарцовщики и менялы стали моими друзьями и единомышленниками. Тогда слово «спекулянт» было ругательным. Это сейчас те же самые спекулянты элегантно переименовались в менеджеров, коммерсантов и бизнесменов. А в то время продавать и обменивать зарубежные пластинки считалось делом не только позорным и неблагодарным, но и подсудным.

По окончании восьмого класса я удовольствием распрощался со школой. Во первых, тупые и скучные советские уроки в школе мне уже порядком поднадоели, а во вторых, мама трудилась одна и мне срочно нужно было получать профессию и работать. А не бессмысленно просиживать штаны до 11 класса.

Поступил в радиотехнический техникум (теперь колледж), четыре года учился там. Музыку не забросил, а наоборот. Там нашлось ещё больше друзей по интересам. В свободное от учебы время ходил на курсы игры на гитаре и слушал любимую музыку.

Тогда впервые влюбился в девушку из параллельной группы и подарил ей свои самые первые, слабые, но зато очень искренние стихи.

Техникум готовил выпускников для работы в оборонной промышленности. По той же примерно специальности, что работала моя мать. Учиться было, честно говоря, очень лень. Домашние задания никогда не делал ещё со школы. Закончил техникум, правда неплохо, получил наконец то диплом,

и начал работать на закрытом оборонном заводе. Там давно и мать проходила свою практику после института.

Вот там я впервые и познакомился с «товарищами» из КГБ. Но не подружился...

Сексот (секретный сотрудник) подошёл ко мне на заводе во время обеденного перерыва. Я уже вышел из нашей рабочей столовой и курил на лавочке.

– Здравствуйте, Андрей. Я ведь не ошибся? Вы Андрей Иванов? Можно с Вами поговорить?

– Не ошиблись. На какую тему разговор?

Статный солидный мужчина средних лет в сером костюме был явно из милиции или из Первого Отдела на заводе. Этот отдел занимался охраной оборонного завода. Короче, отдел внутренней безопасности. Или из КГБ. Офицерская выправка плюс строгий опрятный вид и свежая стрижка. Явно мент или офицер спецслужб. Он присел рядом на скамейку.

– Андрей, задавать вопросы буду я. Вы отвечать. И давайте сразу договоримся, чтобы разговор остался строго между нами. Только Вы и я. Никому. Даже матери, – мягко, но веско и убедительно предложил он.

– Хорошо. Договорились. Задавайте, – я сразу понял, откуда этот неслучайный собеседник. Не из ОБХСС.

– Нам известно, что Вы, Андрей, близко общаетесь с фарцовщиками импортных пластинок с вещевого рынка. Нам также известно, что Вы регулярно прослушиваете радиопередачи враждебных станций, таких, как «Голос Америки»

и «Радио Свобода». Верно?

– Верно. Продолжайте... – я никак не мог понять, к чему клонит этот серый тип.

– Ваша мать и Вы работаете за закрытом оборонном предприятии. Как всё это совместить?

– Никак. Тут я работаю. А дома живу своей личной жизнью, люблю музыку и слушаю её по радио, – со спокойной улыбкой ответил я. Но эта видимость была только внешняя. Внутри мне стало как-то тревожно, неприятно и зябко. Не знаю, что это было. Липкий страх или просто лёгкое напряжение от неожиданного разговора.

– Андрей, у меня к Вам предложение. Не торопитесь отвечать. Я предполагаю, что Вы поняли из какой я службы. Подумайте. Смогли бы Вы отображать для нас в письменном виде редкие и короткие отчёты о жизни и делах Ваших неблагонадёжных знакомых? Которых Вы лично знаете на работе и дома... Имеют ли они, по Вашему, связи за границей? С кем они чаще всего общаются? И в том же духе. Сейчас не отвечайте. Вот номер телефона. Подумайте, поспомните, и позвоните мне по нему. Если не позвоните, я сам встречу с Вами вторично. Хорошо?

– Подумаю. Ко мне ещё есть вопросы? А то мне уже пора в отдел. Обед заканчивается.

– Нет. Вопросов больше нет. До встречи или до звонка. И, пожалуйста, никому о нашем разговоре ни слова.

Тип улыбнулся, зачем то пожал мне руку, и неспешно

скрылся из виду. Я повертел в руках бумажку с номером телефона. Разорвал, смял и выкинул её в ведро для окурков.

Стукачом КГБ мне становиться явно не хотелось. Но пришло понимание, что контора приглядывается ко мне. Ничего противозаконного я за собой не знал. Пришла мысль – Звонить не буду. Ему надо, пусть сам и приходит ко мне. Отчёты писать на друзей не буду. Тем более, что скоро осень. Заберут в армию и там комитетчики обо мне позабудут.

Но они не забыли...

Глава 13. Пауза на два года

После начала работы ума ещё много, чего произошло.

Жаркое увлечение музыкой. Сумасшедшая и горькая страсть к однокурснице в радиотехникуме, несколько стихов и песен, посвященных ей. Много дешёвого вина и горячие беляши на закуску. Немало эпизодов с разбитой мордой. Страстная любовь к разливному «Жигулёвскому» под рыбку. Танцы каждый вечер в городском парке под живую музыку. Неудавшиеся попытки суицида. Защита диплома, который был мне совершенно не нужен. Сидение ночью голым на подоконнике, смотрение на луну и звезды. Идиотское пьяное празднование Нового Года с однокурсниками.

Автор перед уходом на службу в Советскую Армию. Фото из личного архива.

Короче, всё, как у всех. Это пошло, банально, и теперь мне неинтересно даже вспоминать.

Гораздо интересней припомнить Армию. Всю такую советскую, веселую, безбашенную, очень опасную. И иногда даже страшную.

Что такое Армия для простого советского парнишки? Который не собирался откосить, прикинуться неизлечимо больным, имитировать идиотизм и слабоумие, дать взятку, убежать и спрятаться от призыва. Наоборот, те, кто откосили, тогда считались слабаками, отщепенцами или трусами.

Так что такое Армия для обычного советского парня? Армия – это большое долгое приключение. Это отрыв от родного дома, от семьи, длинное путешествие в новое, неизведанное, пугающее пространство.

Попытка узнать, кто ты есть. Понять, чего ты стоишь. И разобраться наконец, что ты на самом деле хочешь от себя и от Матушки – Жизни.

Начало курса молодого бойца обычное и туманное. Домашние проводы с танцами, салатами и тортом. Потом явка в военкомат в пьяном полузабытьи. Прощальные слёзы матерей и бабушек. Военный автобус. Море водки на сборном пункте.

Мальчики с непривычки дружно блюют, потом опять пьют. Дружно терзают зубами домашние вареные курицы, колбасы, яйца, булки. Пьют, блюют и орут песни под гитару. Это ещё не Армия, это пока что предбанник Армии.

Все сплотились от неизвестности и мужской пьяной солидарности. Все вокруг сплошные ежики в тумане. Бродят по одному этажу казармы, ищут друг друга. Не находят. Садятся с незнакомыми, пьют, знакомятся, опять теряются и идут искать друг друга. Сплошной синюшный туман и сплошные ежики. Местный одинокий прапорщик тоже потерян в синем тумане. Похоже с рождения. Он тут живет, командует, ест, спит и пьёт. Он тут начальник.

Те, кто послабее, устали, и храпят на нарах. Те, кто ещё

в силах передвигаться, перелазят через высокий забор и ползут за свежей водкой. Как тараканы. Их много. Всех не переловить.

Всё очень мило, весело, дружно, по-взрослому, и по-советски. Питья море, деньги ещё остались. Жратвы полные рюкзаки. Наступил коммунизм. Никому ничего не жалко, всё общее. Особенно водка, нары, жратва и туалетная бумага. И деньги.

Сидим, день, два, три, неделю...

Наконец приезжают «покупатели». Опухший мрачный офицер, два суровых борова сержанта. Опять смутная погрузка в армейский автобус. Нас везут. Куда мы узнали позже. Но очень скоро...

Везли нас на вокзал. Толпа пьяных юных полудурков с полными рюкзаками и опухшими рожами. И с гитарами наперевес.

Зрелище странное. Но веселое.

Хорошо, хоть на вокзале мы были ночью. Людей к нам близко не подпускали.

Иначе мы бы накормили их курицами.

Потом поезд. Офицер с печальным красным носом взял у нас три бутылки водки и спрятался от всех в купе. Два вагона орущих песни и курящих пацанов. Мордovorотов сержантов мы хитро споили ещё на вокзале.

Едем в Армию Советскую служить, мужской долг защитника Отечества отдавать... Поезд чух-чух, колеса тук-тук,

стаканы дзинь-дзинь, водка буль-буль, гитара трень-брень...

Но это были ещё цветочки... Ягодки нас ждали через шесть быстрых часов...

Вот уж до сих пор не понимаю, что делает армия с организмом. Только отправились мы из дома мальчиками. А встретили нас там дядьки.

Матерые, взрослые, настоящие дядьки. Ведь по возрасту мы были примерно равны.

Хотя... По порядку...

Поезд привёз нас на какой-то небольшой полустанок. В зале ожидания вокзала два человека. На лавках сидят. Ну и наша толпа, человек пятьдесят. Не считая мрачного похмельного офицера и двух сонных сержантов.

Звучит команда:

– Освободить рюкзаки от продуктов. Или съесть сейчас же или выбросить. В расположение полка поедем без продуктов. Быстро!!! Выполнять!!!

Наше недоумение. Пустой ночной вокзал. Куда же девать всё это добро? Выкинуть еду жалко. Раздать некому. И съесть за раз нереально.

Валим всё на пол, в одну большую общую кучу. Колбасы, сыры, варенные курицы, яички, варенье, консервы, сало, булочки, пироги... Выпотрашиваем до дна рюкзаки, сумки, чемоданы...

Выбираем самое вкусное из домашних припасов. Тащим

это к двум, сидящим на лавках, пассажирам. Просим принять. Мол, жаль выкидывать, возьмите, сколько сможете. Пожалуйста!

Пассажиры в шоке, в смущении, берут, но немного. Куда же остальное?

Умные сельские парни припрятали самогонку и водку в резиновые грелки и термоса для чая. Запасливые они. А у нас, городских балбесов, бутылки просто забирают сержанты. Насовсем. Типа в дар. Они им, конечно, нужней. А нам уже нельзя. Но тайно можно. Если осторожно.

Сколько можем, выпиваем в последний раз, сколько влезает, закусываем. Скоро будем в части. Там точно не дадут. Долго не дадут.

Автор-призывник на проводах в армию. Фото из личного

архива.

Подходят крытые тентом «Уралы», военные грузовики, низко рычат моторами, режут фарами ночь. Крик офицера бьёт по сонным мозгам:

– По машинам! Быстро, бойцы! Шевелись шустрой!!! Все в кузов, помогайте друг другу. Все сели?!!!! Вперед! По ходу движения со скамеек не вставать. Узнаю, прибыю!!! Курить можно, вставать нельзя!!!

Аля, Улю!!! Поехали. Колонна двинулась. Приключение продолжается. Гора домашней вкуснятины оставлена посередине зала на вокзале, два одиноких пассажира улыбаются нам на прощание. Мы машем им с машин. Больше никогда их не увижу.

Минут сорок трясёмся в кузове. Снаружи ничего не видеть. Хоть глаз выколи. Глухая ночь. Ни фонарей, ни домов, ни людей. Ни птиц, ни улиток, ни крокодилов. Только тёмная ухабистая дорога. Ветер, огоньки и искры от сигарет. Деревья по обочинам, как тени великанов. Молча курим, подпрыгивая на ямах. Ветрено и зябко.

Колонна тормозит. Что там впереди, не видим. Из кузова видно только назад. Слышны весёлые голоса. Они дружно и бодро матерятся, громко хохочут. Старослужащие солдаты нас уже заждались.

Понимаю, приехали. Это воинское КПП. Колонна тенто-

ванных грузовиков с нами медленно вползает на территорию части. Ворота звонко захлопывает солдат с повязкой на рукаве. Приказ офицера противно рывкает по замерзшим ушам:

– Выгружаемся из машин. Быстрее! Шевелитесь, сынки. Не курить! Тут вам не мама. Построиться в шеренгу по четыре. За мной. Шагом марш!!! Не отставать!!!

Наше стадо юных баранов нестройной толпой вползает в темноту. Но где-то там вдалеке свет. Фонарь горит над входом. Наверное, казарма.

Середина ноября. Западная Сибирь. Далеко не жарко. Скорее даже слишком свежо. На земле корка льда. Скользко. Снега тут ещё нет. Или уже был, но его сдуло. Ветер такой, что вся выпитая водка выветрилась сразу ещё в кузове.

Все измотанные, замёрзшие, уставшие, отупевшие, хотим только тепла, и спать. На остальное внимания, желания и сил уже не осталось.

В казарме оказалось не намного теплей. Из рта пар, градусов пять в плюсе. Хоть ветра нет. Глаза постепенно привыкают к сумрачному свету. Огляделись повнимательней. Это, похоже, спортзал. На полу разбросаны матрасы. Нет, точно не казарма. Похоже, карантин.

Садимся, кто куда. Охота курить. Без команды пока нельзя.

– Располагайтесь, отдохайте, утром получите обмундирование. После карантина определяют в подразделения. Тишину не нарушать. Курить только в туалете. И по одному. Испол-

нять все приказы сержантов. Из зала не выходить. А сейчас всем спать. Отбой 3 минуты.

Офицер дал указания и ушёл. Сержанты остались.

Завтра, видимо, нас уже побреют в солдаты. Оденут, обу-
ют, накормят, расселят и начнётся служба.

А сегодня мы ещё вполне мирные гражданские мальчи-
ки – одуванчики.

До утра осталось всего три часа...

Надо бы как-то уснуть. Сквозняки и холодно. Ворочаюсь
с бока на бок. Неуютно. Одежда тонкие. Не спится. При-
дётся кучковаться, скрытно выпивать, закусывать, шептать-
ся и глазеть по сторонам. Как сычи. До самого утра.

Кто-то пытается рассказывать анекдот. Не прокатывает.
Уже не смешно. Какое-то напряжение, тревога, неизвест-
ность. Хотя слабеющий привкус романтики ещё остался.

Утро вечера мудреней. Сидим на полу, на матрасах, спина
к спине. Кто то пытается брэнчать в темноте на гитаре. Сер-
жант молча подходит, забирает инструмент. И возвращается
на свой матрас. Слышу вой ветра снаружи. Романтика...

Глава 14. Хорошо везде, где мы есть

Как мудро, что от нас сокрыта дата смерти,

Как хорошо, что неизвестен день.

И что в обычной жизни, в круговерти,

Нам унывать и огорчаться лень.

стихи автора

В Армии много плюсов. Которые не всегда видны в обычной домашней обстановке.

Сейчас расскажу, на что военная служба открыла мне глаза.

Только в армии я узнал, что меня можно уважать. Не за силу, не за ум. А просто уважать, как доброго человека.

Ребята-сослуживцы часто просили помочь им написать письма их девушкам. Сочинить стихи к юбилею родителей. Они доверяли мне свои личные переживания. Рассказывали о своих надеждах и планах. Не знаю, откуда им было известно, что не проболтаюсь. Не выставлю их на посмешище, выслушаю всегда. Это показало мне, что меня можно ценить и уважать. Раньше как-то этого не замечал.

Во-вторых, очень благодарен своей солдатской службе за то, что именно она научила меня ценить простые, самые обычные вещи.

Еду, чистую и тёплую одежду. Баню, сон, дружбу. До армии я всегда был сытым, выспавшимся, одетым и обутом.

Служба 1982—1984 годы. Личное фото автора.

В армии каждая приятная мелочь, становится важной

штукой. Начинаешь ценить тепло, время сна, редкие вкусоности, которые присылали нам из дома. Мы угощали друг друга. Всегда делились по-братски. Радовались не только своим посылкам, но и посылкам товарищей-сослуживцев.

Товарищей появилось вдруг много. И все разные.

Товарищи полковники, товарищи капитаны, товарищи сержанты. Майоры и лейтенанты, всех нужно называть «товарищ»...

Не знаю, как сейчас положено обращаться к старшим по званию. Может господин офицер, или как-то ещё. Но, в мое время обращались только «товарищ».

Расскажу пару ярких случаев той поры.

Зима 1982 года была холодной. По громкому радио три дня подряд на всю территорию части вещают тоскливую музыку. В стране большой траур. Умер Леонид Ильич Брежнев. В Афгане идёт война. Там жарко. А в Сибири стоят декабрьские холода.

В казарме, где жил наш учебный батальон, температура зимой не поднималась выше плюс пяти. Кочегарка была маленькая и не могла обогреть здание. Ошибка в проекте или что-то еще.

Поэтому одевались, как можно теплей. Три пары нижнего белья. К телу выданное свежее чистое, потом на него несвежее, несданное в стирку с прошлой бани, а на него уже совсем серое, тоже не сданное в стирку с позапрошлой помыв-

ки.

На белье гимнастёрка и галифе. Вот такая зимняя капуста.

Спали так. В трех нижних кальсонах, потом простыня, над ней одеяло. На одеяле сначала шинель, на шинели ватный бушлат.

Голову надо прятать под одеяло. Иначе изо рта идет пар, мёрзнут уши и нос.

Такое ощущение, что первые полгода в армии для новобранцев отменили все ночи. Только крикнули отбой. Все легли. И сразу же кричат подъем. Ночь опять пролетела. Снов не видел. Вырубался сразу. Молниеносно и незаметно.

Однажды, в ясный морозный солнечный денёк чистим снег вокруг родной казармы. Мимо проходит румяный и бодрый хлеборез. Сержант Тарас.

– Салют, бойцы!!! Как настроение? Боевое? – жизнерадостно кричит нам Тарас.

– Нормально, товарищ сержант, – радостно улыбаемся мы, ведь всем приятно доброе участие старослужащего.

Тарас поутру возвращается с ближайшей деревни по самоволке. Там у него есть девушка. Они давно встречаются. Это знает весь гарнизон. Но все строго хранят известную всем тайну.

А через три часа жизнерадостного хлебореза не стало. Со всем...

Получать и читать письма из дома перед боевым дежур-

ством опасно и вредно не только для психики и здоровья, но даже и для жизни молодых солдат.

В караул всем выдают на сутки огнестрельное оружие. Автомат. Два полных рожка боевых патронов.

Поэтому письма из дома перед караулом не выдают. Подождут сутки, из караула вернёмся, и отдадут.

В письмах могут быть разные вести. Не только радостные и дорогие. Вести бывают и другие. О жестокой измене любимой, о тяжелой болезни родителей, о том, что сторел родной дом. О том, что родного брата снова посадили в тюрьму, или бабушка внезапно померла, или беременная любимая девушка решила не рожать твоего ребенка, а сделала аборт.

Конечно, бойцы молодые, резкие, горячие. Себя не берегут, жизнь ещё не ценят. После таких вестей могут и разных непоправимых глупостей натворить.

Хлеборез Тарас тем самым солнечным морозным декабрьским утречком 1982 года получил из дома письмо. Дом его был в Украине. Там его уже два года верно дожидалась любящая девушка Олеся. Будущая невеста Тараса.

Через неделю хлеборез должен был выйти на дембель и вернуться домой. Сразу жениться на Олесе.

А тут парень закрутил роман с местной подружкой. Короче, запутался в юбках и местной тоже пообещал жениться. Совесть жгла парня. Ситуация сложная. Прочитав письмо от будущей невесты, Тарас долго не думал.

Повесился прямо в нашей солдатской столовой. В своей хлеборезке. Где он выдавал всем хлеб и порции масла.

Мы узнали о смерти Тараса на занятиях по изучению воинских Уставов. Книжки тонкие, но такие снотворные. Сидим на самоподготовке за столами в тепле Красной Комнаты, где проводится плановая учёба для молодых солдат. Дремота одолевает неимоверно. Тихо и тепло. Слова не запоминаются, в ум никак не влазят, проклятые Уставы никак не зубрятся. В голове вязкий сонный кисель, в органах полное расслабление. Все клюём носами в ожидании похода на обед.

Вдруг появляется посыльный из штаба части. Оживаем.

– Замполиту нужно от учебного батальона 4 человека, которые не боятся мертвецов. Хлеборез повесился.

Мы с интересом переглянулись. Поднялось две руки, потом вызвался я и еще один наш друг.

Чем тухнуть над этими Уставами и мучительно рывками дремать, так уж лучше хоть какое-нибудь приключение.

В штабе полка майор-замполит объяснил нам ситуацию.

Нужно нарубить на водокачке большие куски льда. Обложить ими мёртвого Тараса. Чтобы тело сержанта в подвале не начало разлагаться до приезда из Киева его родителей, сестры, и любимой девушки Олеси. Им только что сообщили о трагедии. Мать в реанимации с сердечным приступом. Олеся в шоке.

Потом, после их приезда, сопроводить большой и тяжё-

лый деревянный ящик с двумя гробами внутри (обычный и цинковый, один в другом) до аэропорта Толмачево в Новосибирске. В кузове тентованного «Урала».

Езды в холодном кузове по прямой часов шесть. Это в разгар зимы и трескучих морозов с жгучим ветром, без остановок и согреваний в тепле. Водка, сигареты, сало, сухой паёк, хлеб и термосы с чаем будут выданы нам, чтобы мы не окочурились от холода в пути. И овчинные громадные тулупы каждому, плюс валенки. Офицер и старшина поедут рядом с водителем в тёплой кабине. А мы, четверо молодых, в кузове, с покойным Тарасом, водкой, салом и чаем. Сквозь сибирские леса и перелески.

Романтика...

Доставить груз 200 на борт самолёта, летящего на родину Тараса, в Киев.

А затем, выполнив все распоряжения, вернуться из командировки в свою часть. Уже поездом.

Конечно, на первом полугодии службы внезапно побывать дома, это круто. Порадовать родных и себя. Интересно и заманчиво. Мне опять повезло. Не поднял бы руку тогда и дома не повидал бы...

В общем, мы вышли из штаба полка, закурили и не спеша отправились рубить лёд на водокачку. Дружно и весело рубили лёд до обеда и после обеда. Нарубили столько кусков, на целый взвод мертвецов хватило бы.

Настроение приподнятое, все мы четверо из Новосибирска, и нас ожидает чудесное незапланированное путешествие из учебки домой. Хотя и короткое, но очень приятное свидание с родными и домом.

Глава 15. Как снег на голову

Ехали весело, грелись водкой, горланили песни, на ящике резали сало и хлеб. Тарас бы не обиделся. В ящике его нет. Там только его оболочка. В памяти он есть. Живой. Весёлый, розовощёкий, добрый украинец. Простой рубаха-парень. Молодых он не обижал, с «дедами» держался особнячком. Но со всеми был приветлив и вежлив. У него был диплом повара. Поэтому работал в столовой.

Вечером, после загрузки ящика в самолёт, я подошёл к нашему офицеру.

– Товарищ лейтенант. Разрешите обратиться? Есть предложение у меня. Может перед обратной дорогой забежим ненадолго ко мне домой? Я бы сейчас позвонил с автомата, мать бы борща срочно наварила. Мы всей командой горяченького бы с дороги поели. Хоть на часик забежать. Обещаю, никто не узнает.

– Хорошо, солдат. Но только на часик, не больше. Иди, скажи водителю куда ехать.

Немая сцена. Как у Гоголя в «Ревизоре»... В общагу, где мы жили с мамой и бабушкой, вваливается семь мужиков в военной форме. В сапогах и шинелях.

Жители общежития повылазили из своих комнат. Вокруг все онемели. Открыли рты и глазуют на нас. Вечер и все до-

ма. Очень живописно и необычно. Мама замерла в шоке. Бабуля узнала меня первой. Конечно, я не позвонил им с автомата. Некогда было. Но борщ есть. Будто чувствовали они.

Накормить нас стремятся всей общагой. Кто-то из соседей вскрывает консервы, кто-то тащит домашний салат, колбасу, торт. Мужское население подносит крепкие напитки. Свиданка удалась на славу.

Беру в руки гитару. Пою, мне подпевают. Конечно, просидели мы не час, а больше двух. На прощание родные и соседи суют нам какие то сумки, сетки, банки, пакеты с продуктами, напитками, готовой едой. У бабули и матери снова на глазах слёзы. Мы сурово и по-мужски улыбаемся. Цель приезда в Новосибирск мы не разгласили. Пьяный лейтенант торжественно обещает вернуть меня домой через два года в целостности и сохранности. Забегая вперёд скажу, честный офицер попался. Обещание сдержал.

Грузимся в машину. По дороге молчим. Сытые, оттаявшие, довольные встречей. «Урал» везёт нас на вокзал. С собой теперь я прихватил гитару, подругу юности моей. В вагоне скучать не будем, спать тоже. Вот скоро вернёмся в часть и служба продолжится. Маме навещать меня в армии не разрешил. Сначала ожидания мучительные, затем прощания слёзные. Зачем это? Только нервы трепать.

Лучше просто спокойно отслужить два коротких года. Никого не ждать. Можно и письмами обойтись. Так лучше будет для всех.

Поезд чух-чух, стаканы дзинь-дзинь, гитара бреньк-бреньк, колёса тук-тук... Едем в учебку, а чувство такое, будто возвращаемся домой.

Ещё мне очень нравилось в армии, что не надо ни по какому поводу думать и париться. За тебя уже всё продумано, обдумано, всё решено, остаётся только следовать приказам.

Утром поднимут, накормят, на работу или в караул отправят. Опять накормят, выдадут свежее бельё, отвезут в баньку. Потом покажут в кинотеатре фильмик и спать уложат. И так каждый день. Думать не надо. Хорошо, понятно всё и просто.

А, вот в обычной гражданской жизни так не получается. Нужно искать себе работу, потом зарабатывать, думать, выбирать, делать ошибки... Суетиться, бороться, достигать, страдать, быть успешным, пробивным, активным и постоянно крутиться, чтобы выжить.

Спасибо Армии, она помогла понять, что жизнь штука простая. И не надо относиться к ней слишком серьёзно. Идёт солдат по улице и жрёт себе мороженку. В глазах его покой и пустота. Он отдаёт долг Родине. Он защитник и имеет право есть мороженку... И даже пить летом уличный бочковой квас. Вот такое счастье быть солдатом.

Глава 16. Спецслужба безопасности и внутренних расследований

В советской армии служили все подряд. Без деления на национальности, места проживания и социальное положение. Это реально была мужская школа жизни и выживания.

Вчерашние мальчишки-подростки, безусые юноши на пару лет отрывались от родительской опеки и жили в казарме на общих условиях. На военном-морском флоте служили ещё дольше (три года) и жили в более стеснённых условиях матросской каюты.

В моём пехотном батальоне сибирской дивизии русских было меньше, чем бойцов других национальностей. Азиаты на первом году службы плохо говорили по-русски и прикидывались, что не понимают нас. Но они вдруг резко начинали хорошо говорить по-нашему и всё понимать, когда становились уже старослужащими. И когда они уже сами отдавали новобранцам распоряжения. Значит, в первый год они просто прикидывались.

Случилось так, что в очередном карауле оказалось 20 человек азиатов (узбеки, таджики, туркмены и прочие национальности) и всего трое русских. Одним из нас был молодой лейтенант после военного училища – начальник караула. Второй русский, мой товарищ и земляк Саша, сибиряк из Томска. Бывший курсант, отчисленный из военного учи-

лица. Третьим был я.

Караул поужинал принесённой из солдатской столовой пищей. Мой товарищ стоял в это время на посту и два часа нёс службу. Нашей смене полагалось оставить порцию ужина. Но караул оставил всем, кроме меня и моего русского друга. Это был вызов на бой.

Когда Сашу сменили на посту, он пришел в караулку ужинать. Бачки из под еды даже успели уже помыть. Они стояли чистые и пустые. Он выразил недовольство этим скотством и наглостью. Тогда свободные от караула солдаты затащили моего друга в сушилку обуви и избili валенками. Чтобы не оставалось синяков.

Валенки солдатские. Тёплые и крепкие. В воде тонут,

но на суше не промокают. Фото автора.

Били толпой, не разбирая куда бьют. Били долго и молча, чтобы не разбудить русского лейтенанта-начальника караула. Я был в это время на посту.

Когда вернулся, Саня лежал избитый в сушилке, держа руки на паху. Когда его били валенками, то пуговицы на ширинке в кровь исцарапали его половые органы. Саня стонал, я всё понял без слов...

Самое весёлое и интересное началось, когда мы на следующий день вернулись с караула в казарму.

В полку все наши друзья уже знали о происшествии. И хотели поскорей рассчитаться за избиевание нашего товарища.

Наметили это торжественное и справедливое мероприятие на вечер. Когда после отбоя уйдут все офицеры. Враги уже почувствовали опасность. И шептались группками то в туалете, то в курилке. Сосали свой насвай и исподтишка поглядывали на нас.

Дождавшись отбоя, мои ребята приготовили, кто солдатский ремень с тяжёлой медной пряжкой. Кто железные дужки от спинок кроватей, кто выбрал для хорошей заварушки мощные солдатские табуретки.

Молотили наглых хамов прямо в кроватях. Те вскакивали с постелей и сразу падали на скользкий паркетный пол от тя-

жѐлых ударов по голове и по всему, что они не успели при-
крыть. Было немножко шумно от русских матов и нецензур-
ных выкриков на тюркских языках. Но зато весело и бодро.
И, главное, справедливость восторжествовала.

Примерно через полчаса всё стихло. Хотя не знаю точно,
за временем, конечно, никто не следил.

Теперь слышались только слабые стоны, охи и ахи по раз-
ным сторонам казармы. На койках шевелились раненные
враги. Никто не спал.

Наши потери были невелики, потому что правда была
с нами. В чём сила, брат? Сила в правде!

Несмотря на численное преимущество в стане противни-
ка, наши ребята отделались лишь несколькими царапинами
и синяками.

После драки кулаками не машем. Личное фото автора.

Хамы защищались слабо и получили травмы по полной программе. Потому, что они умели нападать всей толпой только на одного. Наш враг был не организован, растерян и поэтому разбит. Саша был отмщён. Но на этом дело не закончилось.

На следующее утро нас по одному начали вызывать в штаб полка на беседу. Беседу с глазу на глаз проводил незнако-

мый пожилой полковник. Говорил он тихо, но внятно и убедительно.

Вызвали к нему и меня.

– Как получилось, что в казарме случилась драка? Кто был зачинщиком? – строго спросил полковник, пристально глядя мне между глаз.

– Не знаю, товарищ полковник. Проснулся от крика «Полундра! Русских бьют!», ну а там уже дрались, – соврал я, не желая выдать истинную причину происшествия.

– А Вы знаете, что у нашего ведомства есть полномочия возбудить судебное дело в трибунале и задержать ваше возвращение домой, несмотря на приказ Министра обороны? Вам светит дисбат на пару лет.

(Дисциплинарный батальон, говорят, строже зоны)

примечание автора.

Я пожал плечами, – Нет, товарищ полковник, ничего такого не знаю.

– Это дело имеет душок разжигания национальной вражды. Очень серьёзная статья, поверьте мне, солдат.

Я опустил глаза в пол и молчал. Просто не знал, что ответить. Не станешь же объяснять пожилому офицеру, что мы должны были отомстить за Сашу. Не оставлять же такое без последствий. Хамы тогда совсем бы обнаглели.

– Ладно, боец, вот Вам ручка, лист бумаги. Сидите, вспоминайте и записывайте. Что было причиной драки? Кто спровоцировал? Имена главных зачинщиков, и всё это по-

дробно, в деталях. Через час вернусь, – седой полковник оставил меня одного в кабинете.

Жутко захотелось попить воды и покурить. Графин на подоконнике сухой, выходить из кабинета не положено...

Через час седой полковник вернулся. Лист бумаги был девственно чист. Офицер разрешил мне сходить в умывальник попить. Там и покурил.

Когда я снова зашёл в кабинет, разговор продолжился.

– Андрей, послушай, – уже мягко, даже почти ласково, сказал пожилой полковник. – Ты не хочешь писать правду о своих товарищах. Считаешь это подлостью, трусостью и предательством. Не желаешь быть стукачом. Могу понять такой ход мысли. Но, мне известно, что ты, сразу после службы, собираешься поступать в Университет на журналистику. По направлению Министерства Обороны. Верно? – я сразу узнал нотки, знакомые мне по разговору со спец. агентом до армии. – Ты, Андрей, можешь не поступить туда. Из-за своего упрямства. На тебя ещё с техникума заведено у нас дело.

Ну, это был уже явный шантаж. Я не отвечал, стараясь никак не показывать своего раздражения. Помолчали с минуту.

– Ладно, солдат, свободен... Пока свободен... – тихо, со вздохом, добавил седой полковник, глядя не на меня, а на листы в какой-то чёрной папке на столе.

Вышел из штаба. Задумчиво присел на лавочку, закурил. Чувства самые смешанные. С одной стороны, облегчение от окончания неприятной беседы. С другой, какая-то тяжесть на душе. Чтобы успокоиться нужно время. Стукачом не стал. Считаю, что мы справедливо наказали наглецов. Но, в третьих, был уверен, что наши пути с КГБ ещё пересекутся. В этом не ошибся.

Финальная встреча с сексотом произошла уже на гражданке. В Томске, куда я приехал поступать на журналистику. Мою демобилизацию не задержали. Отслужил ровно два года от звонка до звонка. День в день. 10 ноября 1982 года призвали на службу, 10 ноября 1984 выдали военный билет и отпустили домой.

Агент нашёл меня в учебной аудитории филфака. На перерыве подошёл и предложил поговорить. На этот раз разговор пошёл не обо мне. Он прямо предложил мне сотрудничество. Писать отчёты и звонить ему, рассказывать о поведении и увлечениях моих однокурсников. В обмен на поддержку в учёбе и в будущей карьере журналиста. Попытался завербовать. Я снова отказался.

Больше мы не встречались. И они уже не мешали мне спокойно жить. Очень надеюсь, что навсегда...

Глава 17. Солдаты-сладкоежки

Мои драгоценные и любимые читатели, вы просите рассказать какую-нибудь приятненькую историю. Мол, слишком много в книге «чернухи».

Разве могу отказать своим читателям?

Вот вам сладенькое на десерт.

Дело в том, что рацион питания в Советской армии был рассчитан так, чтобы боец был крепок, здоров и сыт.

Не спорю. Голодными мы не были. Слабыми тоже не были. Да и болели в общем то редко.

Но явно нам не хватало сладенького. Сахар выдавали строго порциями. Два кусочка на завтрак, два кусочка на обед и два кусочка на ужин. Плюс редкие посылочки из дома.

Короче, сладкого хотелось почаще. Но молодые солдатские мозги устроены так, что найдут выход из любой ситуации.

На базаре мудрость продавали
И давали старость к ней в придачу.
Люди проходили но не брали,
Уходили молча деньги пряча.
Глупость продавали на базаре,
Молодость давали к ней в придачу!
Люди подходили, покупали,
Убегали позабыв про сдачу...

Омар Хаям

Фото автора.

Лично я нашёл такой вот интересный ход.

Писал статьи в газеты и журналы. Стихи, рассказы, заметки о нашей армейской жизни.

Дело в том, что в СССР было два самых известных военных издания. Одно центральное. Второе региональное.

Газета «Красная Звезда» издавалась в Москве при Министерстве Обороны страны. Газета «Советский воин» издавалась в Новосибирске при штабе Сибирской Дивизии. Вот чаще всего туда я и отправлял свою прозу и поэзию.

Представьте себе, денежное довольствие рядового солдата в моё время составляло ровно 3 рубля 80 копеек в месяц!!! На эти деньги нужно купить зубную пасту, конверты

для писем домой, открытки для праздников, сигареты и всякую такую мелочь. Если вдруг оставались деньги с этой великой суммы, то мы покупали сладости и лимонад в складчину в солдатской чайной на территории военного городка. Но чаще всего денег на чайную уже не оставалось.

А шоколадку охота, сгущёнку, лимонад охота, прянички, булочки и пирожки, конфетки тоже хочется. Организму явно не доставало глюкозы.

И вот, мне начали приходиться гонорары за мои литературные работы. Из московской газеты побольше. Из новосибирской поменьше. Но зато регулярно. Это было гораздо больше моего солдатского жалования. Я собирал русских друзей-сослуживцев в чайной, и мы тратили гонорары на сладкое.

Спросите, о чём же я тогда писал? Ведь жизнь в армии однообразна и скучна, ничем не примечательна, будничная день ото дня.

А, вот это как раз и самое интересное. Смотря, как и о чём писать. Я писал о нашей замечательной библиотеке военного городка, о библиотекарьше, за которой увивались даже те, кто не был записан в библиотеку и книжек то отродясь не читал.

О нашем Доме офицеров, где я и мои товарищи иногда выступали в составе эстрадного коллектива. О редких подвигах в мирное время. О надеждах и мечтах простых солдат, моих друзей-сослуживцев.

Писал стихи о изумительной сибирской природе. О боевых учениях. О настоящей мужской дружбе.

Писал обо всём. И отправлял то в Москву, то в Новосибирск.

Иногда, когда я долго ничего не сочинял, а ребятам-сослуживцам хотелось полакомиться в чайной, то они прямо настойчиво и упорно требовали с меня новых публикаций. Им не терпелось покушать вкусенького на мой гонорар.

Мои занятия литературой не прошли даром. Однажды, стоял часовым в карауле на посту. Охранял танки и боксы с другой техникой. Прибежал зам начальника караула и сказал, чтобы я срочно сдал пост и оружие. Затем немедленно прибыл в штаб полка. Мол, меня там ждёт какая-то важная «птица».

В штабе меня встретил наш командир полка, замполит и приезжий полковник. Он был из Москвы и первым пожал мне руку. Я пробубнил «Служу Советскому Союзу!» и стал ждать разъяснений.

Оказалось, что полковник был из той самой газеты «Красная Звезда», возглавлял там работу военных корреспондентов. Мои труды заметили в редакции, были даже отзывы читателей. Поэтому полковник привёз мне такую очень красивую бумажку с красными гербовыми печатями. Рекомендацию и направление от Министерства Обороны СССР для поступления после службы в Университет по специальности «Журналистика».

Он благодарил меня за публикации, настоятельно угова-

ривал не терять свой дар и поступать после службы учиться в Университет. А вот это направление и характеристика из Москвы гарантируют мне поступление вне конкурса...

Видели бы вы довольную физиономию моего командира полка. Он весь то расплывался в понимающей и гордой улыбке. То вытягивался по струнке перед московским гостем. Хотя оба они были равны по званию.

Короче мой комполка был горд, счастлив и весь светился. Строгий замполит тоже был доволен. Типа личный состав полка оказался на высоте.

После службы я легко поступил в Университет на «Журналистику», благодаря помощи Министерства Обороны СССР, и этому очень способствовали мои публикации в военной прессе.

А тогда мы, простые солдатики, просто проедали гонорары в чайной. И все были довольны. Мы восполняли дефицит сахара в крови.

Вот такая весёлая история со счастливым концом.

Глава 18. Где же ты, моя Маргарита с мерзкими жёлтыми цветами...

– Да что же это такое?!?! – воскликнет мой внимательный читатель.

– Уже ведь и армия заканчивается в книге, а про любовь ещё ни слова не было. Безобразие! Неужели автор ни разу не любил и не был любим? Разве такое бывает? Ну-ка, зажгите нам историю про страстную любовь. И, желательно, с подробностями.

Отвечу просто и понятно. Андрей никогда не умел по-настоящему любить. Любая любовь у него превращалась в мучительное, навязчивое страдание, нестерпимую боль. В расставание, разлуку, сердечную рану. Всё было. Тоска, ожидание, бессонные ночи, лютая страсть, жажда обладания... Всё было! Но только не взаимная Любовь.

Почему-то обычно выходило так. Он полюбил, а его нет. Либо наоборот. Его полюбили, а ему это не надо. Всё как-то шиворот – навыворот...

Та, которая ему нужна, не с ним. А с ним не та, которая ему нужна. Несуразица.

Это только в «Мастере и Маргарите» у Булгакова происходит всё сразу, взаимно, страстно и счастливо. И то не всегда.

Вот, Мастер увидел женщину с букетом мерзких жёлтых

цветов. Подошёл. Сказал одну фразу – Пойдём со мной...

И она пошла. Молча. Без вопросов, без сомнений, без тревог. Доверилась вся и сразу, без лишних ухаживаний и слов. Сердцем услышала другое сердце.

Сцена из фильма «Мастер и Маргарита». Обработка фото автором.

Но это только в книге. А в жизни что?

Вот бы мне так. Подошёл. Сказал. Пошли вместе и под руку. И вместе полюбили друг друга навсегда. И не расстались больше. Чем дольше жили, тем больше и сильнее любили. Возможно ли так, а?

Подойти то я, конечно, могу. И сказать это смогу. Но, практически почему то уверен, что на меня посмотрит эта милая дама, как на буйного психа из дурдома на прогулке, или как на пьяного хама. Или как на грубого маньяка.

Сразу на мою фразу – «Пойдём со мной.»

Возможны много правдоподобных вариантов ответа.

Первый – она молча и торопливо уходит.

Второй – задаст короткие вопросы – «Куда, зачем, что вам от меня надо?»

Третий – ответит – «Извините, на улице не знакомлюсь».

Четвёртый – «Я замужем»

Пятый – «У вас с головой всё в порядке?».

Шестой – «Идите своей дорогой и не приставайте!».

Ну и так далее, и тому подобное...

Но, увы и ах... Так устроен наш мир.

Реальная жизнь и книжная жизнь у булгаковского Мастера расходятся не в мелочах, а по крупному. Потому, что писатель сочиняет и пишет то, как ему бы хотелось. А реальная жизнь идёт, как хочется ей.

Вот и получилось, что свою Маргариту я так и не встретил. Или она меня.

Был женат. Была пара пылких романов. Но всегда не взаимно. Как-то всегда ненадолго.

А хотелось и хочется навсегда. И взаимно. По настоящему.

Чтобы всё в одном лице – эта женщина мне друг, жена, любимая, пылкая любовница, верная и преданная хозяйка в моём доме. И я ей – друг, любящий и любимый мужчина. Муж, любовник, собеседник и заботливый отец наших детей.

Или её детей.

Всё это пока только в голове. Реально не воплощено. Иногда такие мысли посещают.

Может быть судьба такая. Может быть я такой, ленивый, сумасшедший, глупый. Романтик хренов. летаю в облаках, пишу книги, а сам и жить то по человечески не научился за полвека. А может Господь именно такой одинокий Путь мне приготовил. Кто знает?

Вечный романтик. Фото автора.

Вот поэтому, дорогие мои читатели, и не будет, видимо, в этой книге глав о делах моих сердечных. Просто потому, что их нет. Этих дел сердечных. Нету и точка.

А, значит, и написать мне об этом нечего. Выдумывать, фантазировать и умничать на эту тему не хочется. Настоящая Любовь штука серьёзная, хоть и простая. Это Дар Божий. Её ни заслужить, ни купить, ни найти невозможно.

Лучше буду писать правду о том, что реально было, реально есть. Искренне, честно, и от души и сердца. Только правду, одну только правду, и ничего, кроме правды. Как было и как есть.

Глава 19. Что такое на самом деле моя жизнь?

Мне помогло в этом вопросе исследование моих чувств, мыслей и ощущений.

Итак. К сути вопроса.

К чему стремятся все люди?

Что реально, а что иллюзия?

Как получить желаемое поскорей и с меньшими затратами?

Как сохранить и приумножить, а не потерять?

Вот эти вопросы и будем сейчас исследовать, пытаться ответить на них себе честно, без эмоций и беспристрастно.

Люблю смотреть на воду. На льдины, которые важно плывут мимо меня. На ледоход. Треск сталкивающихся лбами громадин, какие-то хлопки, хлюпанья, и вся эта война мимо, мимо, мимо... Это весна мощно двигает свои вечные законы.

В душе моей тоже весна. Вокруг никого, кроме живых, проплывающих льдин. Хотя нет, за спиной, где-то далеко, залаяла собака.

Фото из архива автора.

Сижу на ржавой барже, на зиму намертво привязанной к берегу цепями. Уже прохладно. От реки тянет мокрой свежестью. Так можно запросто простыть. Но уходить не хочется. Раз в неделю, в воскресенье, после обеда прихожу сюда. Сижу на старой скамейке, кто-то добрый водрузил её на баржу. Просто смотрю...

Около трёх лет я живу в монастыре. Наблюдаю за собой, молчу, молюсь. Мне не скучно.

Почему-то вспомнился рассказ батюшки-настоятеля, что

это место свято. Здесь, в гражданскую войну, топили посередине сибирской огромной реки плавучие баржи с трюмами, наполненными живыми людьми. Белогвардейцы топили красных. Красные топили белых.

Поэтому вся земля здесь, и река, и даже сам воздух свят от страданий и ужасов той глупой жестокой и бессмысленной войны.

Именно поэтому тут и выбрали место для строительства монастыря.

Как интересно и извилисто ведет меня судьба. Куда ведёт? Что-я-то здесь делаю? В этой глухой таёжной деревне. Среди лесов, вдалеке от цивилизации, семьи... Зачем я здесь?

Тогда обо всём по порядку...

В три часа ночи ранняя молоковозка привезла меня домой. Добрый водитель попался. Подвёз с пригорода до центра города. Даже денег не взял.

За плечами тяжёлый рюкзак, набитый продуктами. Везу домой гостинцы, вернулся в командировки. Три месяца не был дома. Там жена, в кровати спит маленький сын. Я очень соскучился. Очень устал без любимой, без семьи.

Смотрю на окна своей квартиры. Странно... Горит свет. Три часа ночи... Что это? Ребёнок заболел? Что-то случилось?

Предупредить, что сегодня ночью приеду, не мог. Сам не знал, что внезапно вернусь.

Смотрю на свежевыпавший снег у подъезда. Следов людей и колёс нет. Значит, скорая не приезжала. Что там, дома?

Сердце забилось чаще, дыхание стало прерывистым, неровным. Бросило в жар.

Поднялся на пятый этаж. Перед дверью встал, отдышался, звоню...

Открыла жена. Тихий, почти равнодушный голос:

– А... Приехал?... Ну проходи, у нас гости... Есть будешь?

Такое ощущение, что меня не особо то ждали... Не был три месяца, а встречают, будто я за хлебом выходил на полчаса. Неприятный холодок по спине и тревога поселяется в солнечном сплетении.

Заглянул в комнату, в полумраке под ночником, в кровати спокойно сопит сын. Всё вроде бы в порядке. Что это я так разволновался? Откуда эта противная тревога в желудке?

Захожу на кухню. Накурено, сидит знакомый народ, парни, девчонки, пьют пиво, бренчат на гитаре. Три часа ночи. Замечаю по лицам – для них это норма.

Вспоминается, как встречала меня жена с первых двух длительных командировок. Бежала по перрону вокзала, счастливая, растрёпанная, влетала в мои руки с размаху и мы целовались. Так было первые два раза.

Молодость. Автор с сыном Романом. Фото из личного архива автора.

А теперь. Вот откуда тревога и этот тяжёлый комок в желудке. Что-то изменилось. Что-то уже не так, как прежде.

Что было дальше? Что-то в нас сломалось. Она привыкла к моему отсутствию. Я пытался вернуть былое. Уволился с командировок. Безработица, кое-как воткнулся грузчиком в продуктовый магазин возле дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.